

ТАТЬЯНА УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

Екатерина
Островская

МЕРТВАЯ ЖЕНА
И ДРУГИЕ
НЕПРИЯТНОСТИ

Татьяна Устинова рекомендует

Екатерина Островская
**Мертвая жена и
другие неприятности**

«ЭКСМО»

2012

Островская Е. Н.

Мертвая жена и другие неприятности / Е. Н. Островская —
«Эксмо», 2012 — (Татьяна Устинова рекомендует)

ISBN 978-5-699-55664-9

Валерий Борисович Ладейников единственный раз в жизни был влюблен. Но Елена исчезла, словно растворилась, и отыскать ее Валерий не сумел. Он начал преподавать в университете, женился на аспирантке и вскоре развелся, но все это оказалось только тенью настоящей жизни... А настоящая жизнь началась, когда однажды утром раздался телефонный звонок. Следователь пригласил Валерия Борисовича на опознание его бывшей жены. В морге Ладейников почувствовал себя плохо. Настолько плохо, что опознал как свою супругу совершенно незнакомую женщину. Впрочем, убитая Варвара Николаевна носила фамилию Ладейникова и была замужем за ним. Это подтверждалось печатью в паспорте. А вскоре выяснилось: она оставила Валерию Борисовичу в наследство две огромные квартиры и ценные бумаги на внушительную сумму. Попытки узнать больше о загадочной «жене» стали первым звеном в цепи покушений и убийств... Кто-то затеял с Ладейниковым страшную игру. Но он должен выиграть. Ведь в финале ждет приз, который стоит любого состояния...

ISBN 978-5-699-55664-9

© Островская Е. Н., 2012

© Эксмо, 2012

Содержание

Татьяна Устинова	5
Часть первая	7
Глава 1	7
Глава 2	12
Глава 3	14
Глава 4	17
Глава 5	19
Глава 6	25
Глава 7	27
Глава 8	30
Глава 9	33
Глава 10	35
Часть вторая	38
Глава 1	38
Глава 2	40
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Екатерина Островская

Мертвая жена и другие неприятности

Татьяна Устинова
Свобода от условностей

Екатерина Островская продолжает радовать читателей – и вас, и меня! – удивительными и загадочными детективными историями.

Нет, нет, не жизненными, не надейтесь даже! Наоборот, фантастическими, необыкновенными, невероятными! Я вообще никогда не понимаю, почему детектив должен быть «жизненным», ничего он не должен! Кто вообще придумал, что детективы должны отражать реальность?!

Они – детективы и их авторы – должны развлекать читателей, помогать развеяться, выбросить из головы наскучившую, утомительную серость повседневности. С моей точки зрения, хороши истории захватывающие, легкие, летящие. Позволяющие полностью погрузиться в придуманную автором реальность.

Как у Екатерины Островской.

Она с легкостью и бесконечным, осязаемым и нами, читателями, удовольствием создает миры, в которых возможно все то, чего нам так не хватает здесь и сейчас: приключений, миллиардных состояний, влюбленностей, беременностей – да, да! – молниеносных потерь и обретений, погонь, перестрелок. Той жизни, о которой удастся помечтать, когда открываешь ее новую книгу.

«Мертвая жена и другие неприятности» как раз из таких произведений.

А еще мне нравится, что ее герои – интересные, честные и, безусловно, думающие люди. Сейчас это большая редкость. Главный герой не с пушкой за ремнем – символом чрезвычайной крутости и мужской брутальности, – а со светлой головой и трезвым взглядом на происходящее. Сила героев Екатерины Островской в их способности думать и принимать серьезные решения.

Наконец-то был написан детектив, где главное действующее лицо – не расчетливый убийца, не наркоманящая телезвезда и не озлобленный на весь мир золотоискатель – бывший оперативник, а кандидат наук, доцент Санкт-Петербургского университета!

Новое время требует новых героев, и мне это нравится!

Ну и, конечно, мне нравится, как развивается сюжет. Незвестный труп, который главный герой почему-то опознал как свою жену, старый друг – бывший спецназовец, помогающий в расследовании, история нескольких злодеяний – все это нешуточно затягивает и интригует. Когда до последней минуты ничего не понятно, когда с каждой новой страницей осознаешь, что герой – уже успевший понравиться тебе человек – все больше впутывается в то, во что запрещено. Это и страшно, и увлекательно, и волнующе одновременно.

Мне нравится, что в «Мертвой жене и других неприятностях» добро побеждает (впрочем, как и всегда) и что влюбленные, в конце концов, обретают друг друга, а это ведь самое главное, правда? А еще эта книга хороша тем, что вселяет уверенность: есть еще и настоящая дружба, и любовь до гробовой доски, и возможность заработать миллиард.

Все это близко. Главное – поверить.

Екатерина Островская свободна от условностей – и в этом ее сила.

Совсем недавно моя племянница в своем сочинении на тему выбора будущей профессии написала очень запомнившуюся мне фразу: «Я предпочла реальности фантазию. Наверное,

поэтому я мечтаю снимать кино». Теперь я поняла: Островская пишет – как будто бы снимает кино. Безумное, захватывающее, странное, фантастическое и очень детективное.

Весной у меня день рождения. Замечательный и талантливый писатель Екатерина Островская подарила мне – и всем своим читателям – эту великолепную книгу. О лучшем подарке и мечтать нельзя!

Часть первая

Глава 1

Валерий Борисович открыл дверь и заглянул в приемную декана. Сидящая за секретарским столом Юлия продолжала смотреть на монитор, не обращая внимания на просунутую в щель голову посетителя. Ладейников хотел уже было потихоньку исчезнуть, но секретарша, все так же не оборачиваясь, крикнула:

– Ну, что вы там встали? Проходите! Декан ждет.

Валерий Борисович вошел в приемную, покосился на дверь кабинета главы факультета, украшенную табличкой, и вздохнул.

– Страшно? – равнодушно произнесла секретарша. – Раньше надо было думать.

О чем надо было думать раньше, Ладейников не знал, а переспрашивать у девушки, увлеченной раскладыванием пасьянса, не решился. Снова посмотрел на табличку, на которой значилось:

«Декан экономического факультета,
доктор экономических наук,
профессор
Николай Михайлович
Храпычев»

– Заходите же! – приказала секретарша. – И так на полчаса опоздали.

Ладейников открыл створку. Декан, откинувшись на кожаную спинку широкого кресла, прижимал к уху телефонную трубку:

– Нет, нет. Рад бы помочь, но лично я восстановлением не занимаюсь, все через ректорат... Если там удастся договориться, тогда можете приходите на факультет, однако не ко мне, а к методисту по ведению учебного процесса, который и занимается восстановлением...

Декан поднял голову, увидел Ладейникова и приглашающе махнул рукой. Валерий Борисович вздохнул еще раз и вошел. Остановился возле стола для заседаний, а потом, заметив рядом с собой выдвинутый стул, опустился на него.

– И отца попросите не звонить мне больше по этому вопросу, – сказал декан, заканчивая телефонный разговор.

Еще не положив трубку на рычаг аппарата, он тут же потянулся к другому.

– И вот так постоянно, – произнес Николай Михайлович устало и раздраженно. – Отчисляем кого-то за нерадивость, потом начинается... Ладно бы сами студенты трезвонили, а то ведь родителей подключают, знакомых. У этого разгильдяя папаша в канцелярии вице-губернатора служит. Ну и что с того? Устал я от всего. И без того дел по горло.

Храпычев посмотрел в окно, потом на трубку в своей руке. Подумав немного, положил ее на место. Снова глянул в окно, за которым летали первые редкие снежинки, и вспомнил о Валерии Борисовиче:

– А теперь с тобой. Ты понял, зачем я тебя вызвал?

Ладейников потряс головой, не догадываясь. Его можно было вызвать по целому ряду причин. Может быть, из-за того, что он написал заявление с просьбой о переносе даты защиты докторской еще на полтора месяца.

Храпычев откинулся на спинку кожаного кресла.

– Все, Валера. Увольняют тебя.

– За что? – удивился Ладейников. – И почему в начале года?

– Это не мое решение. Я тебя и так по старой дружбе прикрывал сколько мог. В университете ты пьяным появлялся?

– Никогда!

– Мне-то не ври. Выхлоп был? Был. Потом еще романы со студентками...

– С какими? С одной только аспиранткой. Так я женился на ней, ты же сам свидетелем у меня на свадьбе был.

Открылась дверь, и в кабинет вошла секретарша. Она улыбнулась декану, а на Ладейникова покосилась так, словно тот лишний здесь.

– Юлечка, попозже, – сказал декан.

Секретарша двинулась назад. Она еще не вышла, а Храпычев, наклонившись над столом, понизил голос:

– К тому же, Валера, ты студентам пишешь курсовики и дипломы.

– Что за бред?

– Да, да. Не изображай удивление. Студентка второго курса Хакимова подписала заявление и указала в нем, что ты предложил ей свое покровительство в обмен на...

Николай Михайлович поднял глаза и увидел застывшую в дверях улыбающуюся Юлю.

– Я только хотела напомнить, что в час совещание у ректора, – сказала секретарша.

Храпычев кивнул, показывая, что он прекрасно помнит обо всем. Девушка с достоинством удалилась, притворив за собой дверь осторожно и – неплотно.

– Хакимова не ходила на лекции и семинары, – начал объяснять Ладейников. – Я только сказал ей, что с таким отношением к выбранной специальности она никогда не сдаст мне экзамен.

– Ну, вот видишь... Что тут отрицать? Короче, приказ об увольнении ректором уже подписан. Получи обходной листок и...

Валерий Борисович поднялся, пересек кабинет и закрыл дверь. То, что сейчас сказал декан, не умещалось в его голове: почему вдруг сразу увольняют? И почему об этом так спокойно говорит декан – человек, с которым они пять лет проучились на одном курсе, в одной группе... Да что там – человек, с которым столько лет дружили!

Ладейников посмотрел на Храпычева и понял: тот менее всего расположен сейчас вспоминать далекое прошлое. И все же Валерий Борисович попытался использовать последний аргумент:

– Коля, а кто мой курс возьмет?

Храпычев вздохнул, опять бросил взгляд на снежинки за окном, потом начал листать лежащий на столе ежедневник. И наконец кивнул.

– Согласен, некому его взять. Значит, придется мне лично, хотя не представляю, как совместить, времени совсем нет. Но, в конце концов, моя докторская как раз касалась экономического обоснования бизнес-проектов...

Ладейников обернулся на плотно прикрытую дверь, шагнул к столу и перешел на шепот:

– Ну, только мы с тобой знаем, кто писал за тебя диссертацию.

– Это что, шантаж? – возмутился декан, однако тоже шепотом. – Да, ты помог мне немного, но речь сейчас не об этом... И потом, не я принимал решение об увольнении.

– А где я работу сейчас найду?

Николай Михайлович поднялся и застегнул пуговицу на пиджаке.

– Все, Валера. Извини, я очень занят.

Возле кафедры экономического планирования Ладейникова караулил профессор Бродский.

– Добрый день, Валерий Борисович. Мне тут навязали оппонировать на защите кандидатской. Не могли бы вы уделить мне часок-другой? Посмотрели бы текст...

Валерий Борисович молча покачал головой и взялся за ручку двери. Но Бродский ухватил его за рукав.

– Может, завтра?

– Не знаю. Меня сегодня уволили, – ответил Ладейников и вошел на кафедру. Но на пороге обернулся: – Счастливо оставаться.

– Как так? – удивился Бродский. Затем спросил уже у закрытой двери: – За что?

Профессор увидел заместителя декана по учебной работе Бабелюк, куда-то спешащую, и попытался остановить ее:

– Бэлла Аркадьевна, вы слышали: Ладейникова уволили!

Ученая дама чуть сбросила темп и ответила на ходу, несколько не удивленная известием:

– Вот и поделом. Вы что, не знаете, что Ладейников – запойный пьяница?

Бабелюк поспешила дальше, но остановилась, вспомнив самый большой грех уволенного доцента. Оглянулась и зло бросила:

– Еще и бабник к тому же.

А потом побежала по коридору с удвоенной скоростью, чтобы компенсировать время, потерянное на короткую дискуссию.

– Да что вы говорите? – удивился профессор Бродский. – Кто бы мог подумать! А ведь столько лет притворялся порядочным человеком...

Если бы Валерий Борисович знал, что о нем думают некоторые коллеги, он бы тоже удивился. Пьяницей он не был, хотя в последнее время по вечерам частенько заживал в одно не очень чистое заведение по соседству со своим домом. В заведении он общался с приятелями и выпивал пару кружек пива. Иногда больше. А потом возвращался домой. Всегда один. И дома его никто не ждал. Может, он и не отказался бы стать чуть-чуть бабником, но женщины отнимают слишком много времени. Так что пиво было единственной слабостью, которую Ладейников мог себе позволить. Да еще на праздничных вечеринках профессорско-преподавательского состава он вместе со всеми выпивал немного шампанского или коньяка. Совсем чуть-чуть. Последнее – по двум причинам сразу: во-первых, потому что не любил напиваться, а во-вторых, потому что его все время выхватывала из-за стола Бабелюк и тащила танцевать.

– Экая вы неугомонная, Бэлла Аркадьевна, – говорил ей Ладейников.

– Да, я такая, – шептала ему в ухо заместитель декана. – Вы еще меня не знаете! Проводите же меня сегодня домой, я приказываю...

Однажды он согласился. Причем отнюдь не потому, что хотел узнать о неугомонности Бэллы Аркадьевны как можно больше. Просто ему показалось, что Бабелюк сама не доберется. Он поймал такси, довез замдекана до дома на окраине города в новостройках, вытащил из машины и попросил таксиста подождать немного. Сделал только одну ошибку – заплатил вперед. Потом довел Бэлла Аркадьевну до лифта, поднял на восьмой этаж и долго выяснял, где дверь ее квартиры. Пришлось разбудить соседей. От них Валерий Борисович узнал не только номер квартиры, но и много чего еще о Бэлле Аркадьевне. Затем он нашел в сумочке Бабелюк ключ, открыл дверь и пожелал засыпающей на ходу коллеге спокойной ночи.

Но та вдруг очнулась и, оказавшись совершенно трезвой, стала требовать осмотреть ее квартиру. Когда Ладейников все же начал спускаться по лестнице, Бабелюк плюнула в него, хотела ударить ногой, но промахнулась и упала. В результате сломала ногу и затем пару месяцев ходила в гипсе, что не помешало ей в дальнейшем носиться по факультету со скоростью «Невского экспресса».

После второй пары Валерий Борисович вышел на улицу. Стоял и курил.

Мимо пробегали студенты, проходили сотрудники и преподаватели факультета. Протыкнул мимо профессор Бродский, который на всякий случай, пока никто не видит, поздоровался с Ладейниковым еще раз. Пронеслась на всех парах Бабелюк, прошел доцент кафедры

политической экономии Крышкин, известный тем, что десять лет назад, выступая на ученой конференции с докладом о необходимости введения продовольственных пластиковых карточек, заявил, что Адама Смита не существовало вовсе. Мол, это литературный персонаж, и его выдумал Пушкин в «Евгении Онегине», чтобы срифмовать со словом «Феокрита». Были бурные овации... Потом Ладейникову кивнул профессор Амбре-Мелидзе, который еще совсем недавно представлялся всем знакомым главным консультантом президентской комиссии по финансовому мониторингу, а незнакомым – членом-корреспондентом Королевской экономической академии в Лондоне. Потом от него ушла жена, и Амбре-Мелидзе позабыл о своих амбициях. Жена, кстати, ушла к владельцу парикмахерской для собак. Прошли доцент Скрипкин и профессор Шпунтиков, громко обсуждающие какой-то фильм, пробежал к своему «БМВ» доцент Пинтусевич, возглавлявший сгоревший недавно банк «Динамо-инвест», проплыла старший преподаватель Юшкина, прозванная радисткой Кэт за то, что в годы своего студенчества она являлась на все экзамены с чемоданом в руках и с диванной подушечкой под обтягивающим платьем. На госэкзамен она пришла и в самом деле беременной – по слухам, от Амбре-Мелидзе.

Ладейников курил уже третью сигарету подряд. И думал, что уже почти тринадцать лет, не считая студенческие и аспирантские годы, он выходил сюда в обеденный перерыв и вот так стоял, покуривая сигаретку за сигареткой, потом возвращался в факультетский буфет, брал чашку кофе и круассан. А теперь мимо пробегают люди, на которых он смотрел все эти годы и которых никогда больше не увидит, если, конечно, не встретит где-нибудь в общественном транспорте.

В пяти шагах от Валерия Борисовича курила нерадивая студентка Хакимова. Ей не стоялось на месте, потому что в ушах у нее виднелись наушники плеера, а рядом, обнимая ее, топтались двое молодых людей с не очень свежими лицами. К Хакимовой подошла студентка Ермакова, известная своей патологической тупостью, а также тем, что она на интернет-форуме факультета обсуждала, во что одеваются преподаватели, и давала советы, какой галстук с какой рубашкой надо носить, какой должна быть длина юбки у доцента и глубина декольте у старшего преподавателя.

Ермакова притормозила возле Хакимовой и тоже начала пританцовывать. Но у нее это получалось плохо. Потом один из ухажеров Хакимовой попросил у нее двести рублей. Ермакова, поправив вязаную шапочку, сделала вид, что у нее тоже плеер. Парни ей не поверили и обозвали не вполне приличным словом.

Ладейников вытащил из пачки очередную сигарету, и тут из дверей вышел Храпычев.

Декан достал из кармана автомобильные ключи и нажал кнопку брелока. Стоящий рядом с Хакимовой внедорожник моргнул фарами и пискнул. Храпычев сел в машину и включил двигатель. Ладейников подошел к пассажирской двери и постучал пальцем по окну. Стекло медленно поползло вниз.

– Ну, что ты хочешь? – раздраженно спросил декан.

– Куда я сейчас ткнусь посреди учебного года? – обратился к нему Валерий Борисович, пытаясь просунуть голову в окошко. – Все учебные планы подписаны, программы утверждены. Мне даже совместительство нигде не дадут.

– К сожалению, ничего не могу поделать. Не я принимал решение, – буркнул декан. Задумался и вспомнил: – Ты же вел курсы для руководителей фирм.

– Да когда это было!

Из дверей факультета выбежала секретарша Храпычева. Ладейников посторонился. Юля запрыгнула во внедорожник и посмотрела через опущенное стекло на Валерия Борисовича.

– И потом, там платили копейки, – сказал Ладейников. – А сейчас я даже не знаю...

Секретарша нажала на кнопочку, и стекло поползло вверх. Храпычев едва успел крикнуть:

– Валера, я, если смогу, помогу.

Внедорожник потихоньку начал отъезжать.

Валерий Борисович обернулся и увидел, что за всем происходящим наблюдали и продолжают наблюдать нерадивая студентка Хакимова и поучающая весь мир тупица Ермакова. Два парня, обнимающие Хакимову, тоже вытянули шеи, прислушиваясь. Но Ладейникову было наплевать на их интерес. Только стало обидно оттого, что его судьбу, судя по всему, решил не бывший приятель, а секретарша, с которой тот спешил на обед в какой-то ресторанчик.

– Поможешь ты, как же... – тихо произнес обиженный Валерий Борисович.

Машина декана, притормозив, дала задний ход и подъехала к нему. Стекло снова опустилось. Храпычев склонился над своей секретаршей и крикнул в окно:

– Валера, знаешь, как тебя студенты называют?

Ладейников кивнул.

А бывший друг, расхохотавшись, озвучил прозвище:

– Верблюд.

– Так это Бродский придумал, – усмехнулся уволенный доцент. – Сказал, что «Валерий Борисович Ладейников» в сокращении звучит как «Врблд».

– Ага! Просто ты сутулишься, как будто груз на себе тащишь. Ну, ладно, я обедать, а потом к ректору.

Глава 2

Сразу после окончания аспирантуры Ладейников с Храпычевым поехали в Геленджик.

На вокзале к ним подскочила пожилая усатая женщина и предложила комнату с видом на море. Храпычев сразу согласился. Правда, потом упрекал Валеру, что тот не остановил его.

До моря, впрочем, было не так далеко: две автобусных остановки, а пешком не больше двадцати минут. Хотя Ладейников не переживал по этому поводу: пешком так пешком. Тем более что по пути встречались открытые кафе, где готовили шашлыки и подавали пиво. А потому каждый раз, идя на пляж, друзья брали по кружечке, а на обратном пути – по две и по шашлыку.

В один из дней они расположились, как обычно, за столиком. День был в самом разгаре, и солнце припекало изрядно. Храпычев пошел к стойке, а Валера просто отдыхал, поглядывая на окружающих людей и поблескивающее вдаль море. Взгляд его выхватил двух девушек, сидящих через столик от них. Девушки обедали – ели окрошку и тихо беседовали. Правда, им пытался помешать местный армянин. Он подошел, опустился за их стол и стал внимательно наблюдать, улыбаясь во весь рот, демонстрируя ослепительно сверкающие золотые зубы. Армянин улыбался так открыто и доверчиво, словно сидел на концерте артиста разговорного жанра Хазанова и верил всему, что слышал. Но девушки продолжали свой разговор, беседа тихо, словно никого постороннего за их столиком не было вовсе.

– С работой тебе, Лена, повезло, конечно, – говорила брюнетка своей светловолосой подруге, – в двадцать два года уже – главный бухгалтер. Да еще такие обороты. Не трудно?

– Я справляюсь, – очень тихо ответила блондинка. – Если ко всему ответственно относиться...

Тут местный армянин решил, что наконец настал его момент. Он поставил локти на стол, придал лицу серьезное выражение, внимательно посмотрел на светловолосую девушку и сказал:

– Хочиш, я тебе такой работ предлагаю – совсем справляться не надо. Там вообще ничего делат не надо. Никакова ответственного взаиматнашения, никакие обороты – все честна будет. Хочешь – даже денег дадут. Много...

– Спасибо, – по-прежнему тихо ответила девушка, – но у меня есть работа.

Армянин уже не мог успокоиться:

– Ты меня послушай, а! Никакого другого работа не захочиш сразу. Я тебе скажу и...

– Молодой человек, мы не одни, – попыталась остановить его брюнетка. – Эти места заняты, сейчас наши мужья подойдут...

Она подняла голову и стала вытягивать шею, старательно делая вид, будто высматривает кого-то.

– Какие мужья? – удивился армянин. – Ты меня слушай! Меня Ромиком зовут. А тебя? Храпычев вернулся за столик к Ладейникову, и Валера показал ему на девушек:

– Кажется, наша помощь требуется.

Храпычев, оказываясь, тоже обратил на них внимание.

– Там местный пасется. Охота тебе связываться?

Но Ладейников все же решил вмешаться.

Армянин тем временем придвинулся к брюнетке и сказал:

– Ты шашлык любиш? Тогда скажи, как твоего подруга зовут?

– Отстаньте, – обиделась брюнетка.

В тот момент к их столику подошел Ладейников со словами:

– Мы задержались немного. Простите.

Он сел напротив девушек и махнул рукой Храпычеву:

– Коля, мы здесь.

Приставала тут же вскочил:

– Ну, я пошел. Если хорошего шашлык хотите, то приходите на пляж. Там у меня мангал есть. Ромика спросите.

Армянин начал шарить по своим карманам. Ощупал брючные, потом нагрудные на белой рубашке и вздохнул озабоченно:

– Хотел для вас своего визитка дать. Наверно, в пиджаке его оставил.

Когда армянин вышел из кафе, за столик к девушкам перебрался и Храпычев.

– Спасибо вам, ребята, выручили нас, – улыбнулась брюнетка. – Меня Соней зовут.

– Я Коля, – представился Храпычев, – а это мой друг Валерий.

Ладейников взглянул на светловолосую, и все внутри его оборвалось.

– Я – Лена, – тихо произнесла девушка и опустила глаза...

Глава 3

Телефонный звонок разрезал Вселенную. Звезды задрожали от ужаса и стали быстро бледнеть. Растаяло в утренних сумерках море. Где-то звякнул трамвай и грохнула, едва вскарабкавшись на девятый этаж, кабина лифта.

Ладейников открыл глаза. Сквозь оконные шторы в комнату пробивалось серое осеннее утро. Телефон продолжал надрываться. Снимать трубку не хотелось. Было только одно желание – снова закрыть глаза и вернуться в солнечный летний день того года. Валерий Борисович посмотрел на зеленые цифры электронных часов: 8.40. Обычно в это время он уже был на пути к университету. Но сегодня можно не торопиться – лекций и семинаров в ближайшее время не предвидится. Может, поэтому он засиделся накануне в баре и выпил пива больше, чем обычно. И, кажется, не только пива.

Ладейников снял трубку и, все еще лежа, прижал ее к уху.

– Ладейников слушает, – едва выдавил он из себя.

– Валерий Борисович, – раздался голос в трубке, – вас из шестидесятого отдела полиции беспокоят. Следователь Пименов. Вы не могли бы к нам сегодня подъехать?

– Не могу, у меня дела сегодня, – соврал уволенный доцент.

– Прямо сейчас подъезжайте, – настойчиво произнес незнакомый Ладейникову следователь, будто и не слышал слов собеседника. – Постарайтесь не задерживаться, а то я после суточного дежурства...

Какой следователь? Почему? И при чем здесь какое-то суточное дежурство?

– С чего вдруг такая срочность? Что случилось? – спросил Валерий Борисович, недовольный, что его вырвали из такого приятного сна.

– Это касается вашей жены, – спокойно сообщил следователь. И постарался придать голосу трагические нотки: – С ней произошло несчастье.

– Несчастье? Но... мы уже не живем вместе.

«При чем тут Лариса? Впрочем, она могла куда-то влипнуть. А куда?» Ладейников понял, что до сих пор не проснулся. А может, это еще сон? Он сел в постели и спросил в трубку:

– Что хоть произошло?

– Вашу жену убили, – объяснил следователь Пименов. – Подъезжайте!

Валерий Борисович опустил ноги на пол и переспросил:

– Что вы сказали?

Но следователь повторять не стал.

– Хорошо, я подъеду через часок, – согласился Ладейников.

– Тогда сразу к моргу Покровской больницы. Проведем опознание, и потом я задам вам пару вопросов.

– А как-нибудь без морга опознать нельзя? Я покойников боюсь.

– Покойники тоже люди, только не разговаривают, – попытался успокоить его следователь. – К тому же это ваша жена.

– Хорошо, – вздохнул Ладейников, – подъеду к моргу.

Хотя, конечно, в том, что Лариса умерла, хорошего мало. А точнее, совсем ничего хорошего.

Валерий Борисович встал с кровати и подошел к зеркалу платяного шкафа. Посмотрел на себя, потрогал щеку, проверяя, насколько необходимо побриться, и вдруг вспомнил, как пять лет назад Лариса примеряла вот перед этим зеркалом свадебное платье. Крутилась, поглядывая на свое отражение, довольная собой, а потом попросила расстегнуть крючки. Крючочков оказалось много, все они были малюсенькие и не хотели слушаться пальцев Валерия Борисовича.

– Ты поосторожней, – напоминала счастливая невеста, – а то я договорилась: у меня в салоне платье обратно примут. Практически за ту же цену, всего только десять процентов удержат. Если, конечно, пятен не будет.

Ладейников тогда поцеловал ее шею. Сам-то он не то чтобы был очень счастлив, но доволен: все-таки тридцать четыре года – и первый брак.

Да-да, поцеловал ее шею, и Лариса спросила:

– А ты договорился по поводу моей защиты?

Она была его аспиранткой. Выбрала научным руководителем и пришла на кафедру утверждать тему диссертации. На кафедре было пусто. Ладейников сидел за своим столом, когда Лариса вошла – скромная такая. Конечно, Валерий видел ее и раньше. Она ходила по факультету в мини-юбках и обтягивающих блузках, густые мелированные волосы спускались до середины спины, движения ее были медлительны и плавны, а взгляд всегда цепкий, юркий... Ей в спину глядел не только Амбре-Мелидзе.

Но Лариса выбрала именно Ладейникова. И вошла на кафедру тихая, словно боялась, что он накричит сейчас на нее. Прошептала еле слышно:

– Добрый день, Валерий Борисович.

Ладейников показал ей на стул рядом с собой:

– Присаживайтесь, Лариса.

Она опустила на краешек и попыталась дотянуть до колен коротенькую юбочку.

Ладейников сделал вид, будто не заметил ее потуг. Взял со стола папку с материалами, которые она оставила накануне для него на кафедре, и строго произнес:

– Я ознакомился с вашей работой, но, к сожалению, как тему будущей диссертации не могу принять. Хотя вроде бы вы опираетесь на хозяйственную деятельность конкретного, реально существующего предприятия, но у предприятия этого нет не только никакого финансового планирования, но и с бухгалтерской отчетностью большие проблемы. При первой же финансовой проверке...

Ладейников посмотрел на аспирантку, и та опустила глаза.

– Я просто не знала...

Он отодвинул немного свой стул.

– Чего вы не знали?

– Просто не знала... как к вам еще подойти.

Лариса подняла на него влюбленные глаза.

Доцент растерялся и вцепился в сиденье стула, желая еще отодвинуться, чтобы сохранить без-опасное расстояние. А Лариса потянулась к нему всем телом...

В этот момент открылась дверь и на кафедру вошла Бабелюк на костяной ноге. То есть на загипсованной. Бэлла Аркадьевна сделала вид, будто не заметила аспирантку в непосредственной близости от научного руководителя, и поинтересовалась деловым тоном:

– Валерий Борисович, вы случайно не видели Колю Храпычева?

– Нет. Хотя он, кажется, в ректорат ушел.

– Ну-ну, – покачала головой Бэлла Аркадьевна.

Бабелюк вышла, закрыла за собой дверь. А потом долго из коридора доносилось стук-стук-стук-стук-стук-стук...

Лариса вздохнула и спросила с отчаянием:

– Валерий Борисович, а можно я вам домой позвоню?

Ладейников согласился, не представляя, чем это может закончиться.

Вечером того же дня Лариса позвонила. Но только в квартирный звонок...

Он открыл дверь и увидел аспирантку – в коротенькой юбочке и мокрой шелковой блузке, прилипшей к телу.

– Вот, под дождь попала, – виновато улыбнулась Лариса и протянула ему бутылку виски «Лонг Джон».

Глава 4

Ладейников стоял на остановке маршруток и размышлял. С одной стороны, он не очень рвался в морг опознавать Ларису, а с другой стороны, все равно придется рано ли поздно. Не будут же ради этого вызывать из Макеевки Ларисино отца, который к тому же вряд ли приедет: у Ларисы с ним были более чем натянутые отношения. Отец даже с бракосочетанием ее не поздравил, хотя Ладейников отправил ему на Украину деньги на авиабилет в оба конца.

«Двадцать восемь лет... – с грустью подумал Валерий Борисович. – Красивая молодая женщина, и вот как все для нее закончилось...»

Пассажиры подходили к остановке, набивались в маршрутки, но он не спешил вслед за ними. Большинство из тех, кто садился в микроавтобусы, были молодые люди и девушки с портфелями и сумками. «Студенты», – вздохнул Ладейников. И ему вдруг стало обидно оттого, что он никогда уже не войдет в знакомые аудитории, не почувствует ставшей родной атмосферы. Возможно, ему удастся найти работу в другом институте, но, возможно, его ждет нечто совершенно иное.

Уволенный доцент смотрел прямо перед собой и не видел, что ему машет рукой Александр Орешников. Тот высунулся из своей старенькой «шестерки» и пытался обратить на себя внимание. Наконец, поняв, что это не удается, позвал:

– Валерий Борисович!

Ладейников подошел.

– Садись, довезу, – предложил Александр. – Тебе куда?

И тогда Валерий Борисович понял, что встреча в морге неизбежна.

– В Покровскую больницу, – со вздохом ответил он.

– Поздно вчера разошлись? – спросил Орешников, когда машина тронулась с места.

– Честно говоря, не помню, – признался Ладейников. – Как ты ушел, сохранилось в памяти. И как сам домой добрался, тоже. А вот во сколько точно, не знаю. Часа в два, вероятно.

– В час только я ушел, а вы еще сидеть остались.

Александр Орешников был одним из ближайших друзей Ладейникова. А еще Аркадий Брадис и Сережа Богомоллов. Хотя насколько крепко они дружили, трудно сказать. Встречались почти ежедневно, точнее, ежевечерне, в той самой кафешке, куда заходил Валерий Борисович. Сидели, разговаривали, попивали пиво. Причем Орешников почти не пил, Ладейников употреблял немногим больше, Богомоллов зашибал, а Брадис не просыхал вовсе. Но это не мешало им сидеть и обсуждать разные вопросы.

Орешников когда-то был членом легкоатлетической сборной страны и даже готовился стать олимпийским чемпионом. Однако Олимпиаду 1984 года в Лос-Анджелесе Советский Союз бойкотировал, и все достижения Орешникова, вся его подготовка пропали втуне. Хотя Александр был чемпионом страны и Европы, призером мировых первенств и вполне мог добиться титула олимпийского чемпиона. Да вот не удалось. Он женился на молоденькой гимнастке, которая успела стать олимпийской чемпионкой, а потом сломала позвоночник. И Саша окончательно бросил спорт, чтобы ухаживать за ней. Двадцать лет она прикована к постели, а он к жене. Не стал тренером, не нашел себе никакой другой работы, кроме той, что позволяет ему быть свободным и легко передвигаться: занялся частным извозом.

Сергей Богомоллов дослужился до звания майора в спецназе ГРУ и был комиссован по ранению.

Аркадий Ильич Брадис – самый старший из всей компании, ему уже под шестьдесят. Не так давно у него был свой успешный бизнес, но он его потерял. Правда, никогда, даже в пьяном состоянии, не говорит, как это случилось. На что он живет – не понятно, чаще всего

его угощают друзья. Бладис невысок ростом и худ и, скорее всего, ест один раз в день – когда вечером все встречаются в кафешке. Пардон, не ест, разумеется, а закусывает.

Сейчас Орешников вез Валерия Борисовича к больнице. Они вспоминали вчерашний вечер, и оба удивлялись тому, что доцент согласился после пива еще и водку пить с Бладисом.

– Меня с работы поперли, – объяснил Ладейников.

– Все уже в курсе, ты вчера целый вечер только о том и говорил.

– Ну да, – признал Валерий Борисович, – о чем же еще. Позавчера приказ объявили, вчера весь день с обходным листком бегал, а сегодня уже и бежать никуда не нужно... Денег кот наплакал, накоплений никаких, работы нет, а пока найду... Придется, как Бладису, бутылки и банки собирать.

– Тебя у какого корпуса высаживать? – спросил Орешников.

Ладейников пожал плечами: он не знал.

– А кто у тебя в больнице?

– Бывшая жена. Только она не в больнице, а в морге. Еду тело опознавать. Позвонил следователь и сказал, что ее убили.

– Жалко бабу. Симпатичная была. Я, правда, ее пару раз и видел всего, но все равно...

– Она во всякие аферы влезала консультантом, – попытался объяснить Валерий Борисович, – но только не в криминальные. Что же могло такое случиться?

Глава 5

Следователь Пименов оказался невысоким щуплым человеком лет тридцати пяти. С портфелем в руке он ожидал Ладейникова у входа. Валерий Борисович сам подошел к нему и назвал себя. Пименов кивнул и посмотрел на наручные часы, после чего сказал:

– Ладно. Пятнадцать минут – не опоздание.

– Не думаю, что есть люди, которые торопились бы в морг, – заметил Ладейников.

Но следователь оставил его сентенцию без ответа.

Они шли по кафельному полу коридора, и с каждым шагом Валерию Борисовичу все больше и больше хотелось оказаться где-нибудь в другом месте. Он с трудом гасил в себе желание остановиться и повернуть назад.

Наконец уткнулись в широкие двустворчатые двери, когда-то окрашенные в лимонный цвет. Теперь краска потемнела, потрескалась и местами облупилась, отчего двери казались покрытыми помятой пасхальной скорлупой.

Ладейников остановился и перевел дух, не решаясь взяться за ручку.

– Заходите, – кивнул головой Пименов.

Тут он заметил нерешительность доцента и усмехнулся:

– Что? Как-то иначе представляли ворота в иной мир?

Ладейников выдохнул, как перед прыжком в воду, и увидел: следователь, чуть поморщившись, отвернулся.

– Простите, – произнес Валерий Борисович, – вчера до часа ночи пил пиво с друзьями.

Двери отворились, и из них вышел врач.

– А-а... – произнес патологоанатом, видимо, узнав следователя. – Наконец-то. Я как раз чайник поставил.

Врач посмотрел на Ладейникова.

– Вы – муж?

Ладейников кивнул.

– Соболезную. Красивая женщина была.

И, не делая никакой паузы, патологоанатом спросил:

– Кофейку не хотите?

Валерий Борисович помотал головой, желая только одного – чтобы все это поскорее закончилось.

Следователь вошел первым, за ним патологоанатом. И только потом порог переступил Ладейников, стараясь не смотреть по сторонам. И сразу едва не задохнулся от едкого запаха.

– Ну и вонь! – скривился Ладейников. – Мерзость какая!

– Кому как, – отозвался врач и обвел рукой пространство, показывая на столы, на которых лежали прикрытые простынями покойники, – а этим гаврикам все равно.

Мужчины подошли к одному из столов. Врач откинул простыню. Ладейников, увидев белое женское тело, инстинктивно отвернулся.

Следователь, куда-то спешащий, дернул его за рукав:

– Валерий Борисович!

А врач весело посоветовал:

– Вы представьте, что она пьяная или притворяется.

Ладейников посмотрел на стол, на котором лежало тело женщины.

– Можете опознать в представленном вам теле вашу жену? – официально спросил Пименов.

– Нет, – помотал головой Валерий Борисович, который ничего не видел и не желал ничего разглядывать.

Но следователь хотел поскорее освободиться. Как, впрочем, и Ладейников.

– То есть можете опознать тело вашей жены? – чуть иначе задал вопрос Пименов.

Ладейников снова осторожно посмотрел на тело. Взгляд скользнул по незнакомому лицу, и он опять поспешно отвернулся. Но успел заметить на груди и на лбу мертвой женщины черные отверстия.

– А что у нее... на лбу и на теле? – спросил Валерий Борисович.

– Это входные пулевые отверстия, – объяснил врач. – Оба ранения смертельные. Сначала ей метров с пяти выстрелили в сердце, а потом уже в голову. Весьма профессионально, между прочим. Стреляли из пистолета...

– У вашей жены есть на теле особые приметы? – перебил следователь, поворачиваясь к Ладейникову.

– Родинка на бедре сбоку, – вспомнил Валерий Борисович.

Врач тут же начал осматривать труп.

– С какого бока?

– С левого. Или с правого... Не помню уже.

Патологоанатом выпрямился и громко произнес:

– Прошу присутствующих обратить внимание: на левом бедре трупа имеется круглое родимое пятно. Светлое, диаметром семь-восемь миллиметров.

– Ну вот, – бодро произнес следователь, – уже кое-что. А другие приметы имеются? Шрамы, татуировки...

– Она тату хотела сделать, – сказал Валерий Борисович.

– Действительно, – подтвердил патологоанатом, – на левом предплечье имеются следы недавно выведенной татуировки.

Пименов достал из портфеля бланк протокола. Валерий Борисович быстро направился к выходу.

– Вы куда? – попытался остановить его Пименов.

– Позвольте мне выйти.

– Опознаете тело?

Ладейников, держась рукой за горло, кивнул.

– Ладно. Идите. Мы сейчас протокол опознания заполним, а вы в коридоре подпишете.

Протокол Ладейников подписал, не читая.

– Что это вы так поспешно? – удивился следователь. – Ознакомились бы.

– Зачем? Ведь не банковский же договор.

– Вы работаете в банке? – спросил Пименов.

– В институте преподаю. Вернее, преподавал. Сейчас безработный.

– А где вы вчера пиво пили?

– Рядом с домом. А что, запрещено?

Следователь пожал плечами.

– Не запрещено. Пейте сколько влезет.

Он заглянул Ладейникову в глаза и спросил вкрадчиво:

– До часу ночи, говорите?

Ладейников кивнул.

– Если быть точным, с десяти вечера до начала второго. Никуда не отлучался.

Пименов внимательно оглядел Валерия Борисовича.

– Вчера выпивали, а с утра стрелочки на брюках навели.

– Привычка, – объяснил Валерий Борисович.

Протокол он подписал на подоконнике в коридоре и теперь шагал рядом со следователем к выходу. Когда оказались на свежем воздухе, разговор закончился.

Ладейников увидел «шестерку» Орешникова и его самого, стоящего рядом с машиной.

– Ваша жена погибла как раз около часа ночи в километре отсюда, – произнес Пименов и спокойно зевнул, прикрыв рот ладонью. – Простите, ночь была бессонной, – сказал он. – Вчера допоздна задержался, только хотел домой отправиться, так не дали... Кто-нибудь может подтвердить ваше алиби?

Ладейников попытался вспомнить, сколько народа было поздним вечером в кафе, и не смог, но все равно твердо произнес:

– Полтора десятка человек.

– Много же у вас друзей, – с трудом сдерживая очередной зев, удивился следователь. –

А когда вы видели жену в последний раз?

– Не помню, – ответил Ладейников.

Вдвоем они подошли к машине Орешникова.

– Не подбросите до отдела? – попросил следователь.

Александр молча кивнул.

Сев в салон, Пименов вдруг начал рассказывать:

– Около часа ночи ваша жена припарковала принадлежащий ей автомобиль «Мерседес» во дворе дома, где снимала квартиру. Когда она вышла из машины, к ней кто-то подошел и выстрелил из пистолета в грудь. А потом сделал еще один выстрел, в голову...

– Нельзя ли без подробностей? – сказал сидящий за рулем Александр.

Следователь внимательно посмотрел на него.

– Простите, ваша фамилия Орешников?

– Допустим.

– Я с вашей женой в школе олимпийского резерва учился, – сказал Пименов. – Только она спортивной гимнастикой занималась, а я – легкой атлетикой. Бегом на средние дистанции.

– Ну и какие результаты были? – поинтересовался Александр.

– В пятнадцать лет один раз на восьмисотке из двух минут выбежал. А потом не получалось, и я спорт бросил. А жена ваша в пятнадцать уже олимпийской чемпионкой стала. Как она?

– Лежит.

– И никакого улучшения? Остановите здесь...

Орешников затормозил у подъезда отдела полиции.

– Нужна операция. Но она стоит столько, что... Да и то – подобные операции лишь в Германии делают.

– Спорткомитет таких денег не даст, конечно, – покачал головой следователь.

Он вышел из машины. И тут же наклонился к окошку, посмотрел на Ладейникова.

– Валерий Борисович, я хотел вас через пару дней вызвать. Надо кое-какие вопросы задать и вернуть вам личные вещи жены. Но поскольку вы уже здесь... Чтобы потом не беспокоить, давайте, может, сейчас побеседуем? Полчаса, не больше. Обещаю.

В кабинете следователей, плотно прижавшись друг к другу, стояли два рабочих стола. На узкой щели между ними примостился телефонный аппарат – одним боком на столе Пименова, а вторым – на столе его отсутствующего коллеги. На стене висел плакат, на котором суровая женщина в красной косынке прижимала палец к губам. Внизу плаката стояла размашистая подпись: «Не болтай у телефона – болтун находка для шпиона!» Еще на стене висели листы с нечеткими фотографиями каких-то людей под одинаковой шапкой «Внимание – розыск». Один лист был большего размера, чем остальные. На нем значилось: «Их разыскивает милиция» – и фотографии оказались более четкими. Ладейников присмотрелся и узнал Романа Абрамовича, Филиппа Киркорова, полуголую Анжелину Джоли, Джима Керри в зеленой маске и Микки-Мауса.

На столе Пименова возвышался монитор компьютера, но следователь записывал показания Валерия Борисовича по старинке – вручную. Наконец он закончил и подвинул листы протокола Ладейникову.

– Ознакомьтесь!

Валерий Борисович пробежал глазами по тексту и отложил листы:

– Уже ознакомился.

Пименов сделал удивленные глаза.

– Просто я обладаю навыками быстрого чтения, – объяснил Ладейников. – Освоил в студенческие годы, когда приходилось перерабатывать большой объем литературы.

– Тогда напишите «С моих слов записано верно. Мною прочитано» и поставьте подпись.

Пименов открыл стоящий на полу сейф и стал что-то доставать из него.

Ладейников написал, что от него требовалось, расписался и перевел взгляд на стол, где появились женская сумочка, документы, мобильный телефон, деньги, часики и украшения. Последним к общей куче лег лист с описью.

– Вот вещи, которые были при вашей жене, – пояснил следователь. – По идее, их надо бы еще поддержать, но не вижу смысла. Ничего не пропало, ограбления не было. Вещи опознаете?

– Но ведь они не мои, принадлежали ей...

– Насколько мне известно, вы единственный близкий человек погибшей. К тому же все это приобреталось, когда убитая состояла в браке с вами. Так что других претендентов не может быть.

– Ну да, отец жены живет на Украине, но отношения с ним прервались лет двадцать назад. Матери давно нет.

– Тем более принимайте по описи: паспорт, водительское удостоверение, техпаспорт на автомобиль, ключи от машины, ключи от квартиры, женская сумочка из бежевой кожи, две цепочки из желтого металла, часы из желтого металла с камнями, серьги, мобильный телефон «Верту» в корпусе из желтого металла, три перстня из желтого металла с камнями...

Следователь явно спешил домой. Ладейников понимал это, но все равно сказал:

– Если честно, то я ее в морге и не узнал даже. Другая прическа, цвет волос...

– Я заметил, вы не очень вглядывались в лицо. Но прическа и цвет волос – вещи непостоянные. Особенно у женщин, – отмахнулся следователь. – И потом, после смерти люди сильно меняются. В моей практике был случай, когда...

– Не надо, пожалуйста, – попросил Валерий Борисович, – я еще от морга отойти не могу.

Он в растерянности смотрел на вещи, лежащие на столешнице. Пименов услужливо протянул ему помятый полиэтиленовый пакет.

– Складывайте сюда.

И, подвинув к Валерию Борисовичу лист с описью, сказал:

– Я же сутки дежурил, на вызове с дежурной машиной был вместе с операми и экспертами. Все, что при убитой имелось, сам же и описывал. Ничего не пропало. И «мерс» тоже я перегнал. Он сейчас во дворе отдела стоит. Можете забрать его.

На помятом полиэтиленовом пакете была реклама сигарет «Camel» с одногорбым верблюдом.

Прежде чем сесть в дорогой автомобиль, Ладейников внимательно осмотрел отделанный серой кожей салон. Внутри пахло лимоном, было уютно и чисто. На заднем сиденье лежал пакет с рекламой магазина «Французские вина». Валерий Борисович заглянул в него и обнаружил коробку с коньяком «Remi Martin» и стеклянным коньячным бокалом. Обнаружил и удивился: ведь полицейские наверняка осматривали машину, а значит, видели дорогой коньяк, могли взять его. Но не сделали этого.

Сев в водительское кресло, бывший доцент положил на соседнее пакет с верблюдом и завел двигатель. Мотор работал бесшумно.

Когда-то у Ладейникова имелась машина, и он был вполне доволен ею. Хотя куда отечественной «девятке» до роскошного «Мерседеса»! Полтора года назад, как раз после того, как ушла Лариса, в автомобиль Ладейникова врезался внедорожник. Из него вышел пьяный водитель, сунул Валерию Борисовичу десять стодолларовых банкнот и укатил. Ладейников не успел даже номер внедорожника запомнить, а потому звонить в ГИБДД не стал. И машину ремонтировать не стал – продал ее с помятым крылом, расколотым бампером и разбитой фарой. Сначала предложил Орешникову, тот подумал и отказался, сказав, что денег все равно нет, а его «шестерка» еще бегаёт. Тысяча долларов и шестьдесят тысяч рублей, полученные за поврежденную «девятку», разлетелись мгновенно: Валерий Борисович выписал американские и английские книги по экономике, а на остаток купил новый телевизор, который, правда, все равно не смотрел. Некогда было.

Двигатель тихонько урчал, Ладейников откинулся на спинку сиденья, вспомнил Ларису и подумал: «Откуда у нее такие деньги? «Мерседес», дорогие украшения, телефон, стоимость которого, по словам следователя, не менее двухсот тысяч рублей... Еще при ней были обнаружены евро и доллары...»

Он поднял пакет с верблюдом и высыпал его содержимое на пассажирское сиденье. Взял в руки паспорт, открыл. Посмотрел на фотографию и оторопел: на фотографии была не Лариса. «Ладейникова Варвара Николаевна» прочитал Валерий Борисович. Полистал и нашел штамп с регистрацией брака. Увидел дату, свою фамилию, имя и отчество... Не может быть! Эту женщину он не знал, не видел ее никогда! Перевернул страницы: Ладейникова Варвара Николаевна была зарегистрирована по его адресу – в том же доме, в той же квартире, где он проживал уже многие годы и откуда с трудом удалось выписать Ларису.

«Мерседес» выехал со двора отдела полиции на улицу. Валерий Борисович уже не замечал достоинств машины, а думал о том, что произошло с ним сегодня. Почему неизвестная женщина решила подделать документы и назваться его женой? Если бы та была ему знакома, то еще можно придумать хоть какое-то объяснение... Но женщина мертва, и теперь никто, вероятно, не сумеет Ладейникову толком рассказать, почему именно на него свалилось все это.

Вернувшись домой, Ладейников продолжал размышлять. Поскольку с утра не удалось толком позавтракать, он приготовил себе яичницу, сел за стол, думая о случившемся, и тогда раздался звонок в дверь.

На пороге стоял Брадис. Аркадий Ильич заговорил, слегка запинаясь. Мол, только что узнал от Орешникова... Ну, будто бывшую жену Валерия замочили... Короче, он пришел утешить друга, а заодно помянуть невинно убиенную. Говоря все это, визитер достал из кармана куртки бутылку водки и протянул Ладейникову.

Мужчины прошли на кухню, уселись к столу и хозяин дома подвинул гостю тарелку с яичницей. Брадис начал есть, а пить в одиночку отказался.

– Что делать будешь? – спросил Аркадий Ильич.

– Хоронить надо, – вздохнул Ладейников. – Вот получу свидетельство о смерти, и сразу...

Валерий Борисович решил не говорить приятелю о том, что опознал как свою жену совершенно незнакомую ему женщину. Он же не специально это сделал! Узнал об этом уже после того, как получил ее вещи и документы. В голове роились разные мысли. Не поздно, конечно, и сейчас позвонить следователю и признаться во всем, вернуть вещи, деньги и автомобиль... Но, во-первых, Пименов наверняка уже дома, отсыпается после дежурства. А во-вторых, как объяснить ему штампы в паспорте убитой о регистрации брака и о прописке, где указаны его, Ладейникова, фамилия с адресом. Наверняка следователь заподозрит его в убийстве, и удастся ли потом оправдаться – неизвестно. Вдруг сразу отправят в следственный изолятор? А если не

признаваться, просто похоронить убитую, оставить себе свалившееся с неба богатство с благодарностью и все забыть... Но как взять чужое? Кстати, ведь если промолчать, то никто у него отбирать ничего не будет: Пименов сказал, что у женщины нет близких родственников. А если имеются дальние? Вдруг они бедные, больные, нуждаются в помощи, лечении, и эта Варвара Николаевна, выдававшая себя за его жену, была их единственной опорой?

– Да-а, дела... траты тебе предстоят не маленькие по нынешним-то временам, – уминая яичницу, посочувствовал Брадис.

– Что делать, – со вздохом согласился Валерий Борисович.

– Я вообще-то ее помню плохо. Мы же тогда с тобой так плотно не общались. Видел вас вместе в магазине пару раз. Красивая, конечно. Но что ты в ней нашел – до сих пор понять не могу. Она ж с тобой рядом стояла, а глазами по сторонам стреляла.

– Теперь уже не стоит и не стреляет.

– А не бросила бы тебя, может, жила бы еще сто лет.

Аркадий Ильич посмотрел на стоящую на столе бутылку и устремил свой взгляд на хозяйку:

– Может, все же помянем невинно убиенную?

Вдруг Ладейников понял, что надо сделать.

– Сидите здесь, ждите меня. Я отъеду на часок, – сказал он. – Вернусь и поговорим. А вечером и помянем. Покойная нам для этого бутылку хорошего коньяка приготовила...

Глава 6

Валерий Борисович припарковал «Мерседес» в непосредственной близости от подъезда, возле которого убили незнакомую ему женщину. Едва вышел из машины, как стоящий рядом мужчина громко произнес, обращаясь, судя по всему, именно к нему:

– Знакомая машина! А вы кто Варваре, простите, будете?

– Муж, – ответил Ладейников. – А вы что, с ней знакомы были?

– Сосед по площадке. Машины рядом во дворе ставили. Вон моя «Тойота» стоит, – показал мужчина рукой.

– На каком этаже вы живете? – поинтересовался Валерий Борисович.

– Так на седьмом. Двери наших квартир рядом. Но мы почти не общались. Я знал только ее имя, а она мое. «Здрасте» и «до свидания», вот и все общение. Варвара вообще очень тихо жила, к ней и не приходил никто... Кто хоть ее и за что?

– Следствие должно установить.

– Понятно, – покивал сосед, идя рядом с Ладейниковым по направлению к подъезду. – Обеспеченная вроде...

Сосед, очевидно, решил не отпускать Валерия Борисовича. Но только он Ладейникову не нужен был вовсе.

– А у вас с ней никаких ссор не было? – спросил уволенный доцент. – Ведь бытовые причины в первую очередь рассматриваются полицией.

– Так я же сказал, что мы и не были практически знакомы.

– Теперь все так говорить будут. Вы на всякий случай оставьте мне свои данные. Я потом следователю передам...

– Ой, что это я? – встрепенулся разговорчивый сосед и хлопнул себя по лбу. – Совсем забыл! Я же спешу... мне срочно надо в этот... как его...

Мужчина засеменил к своей «Тойоте», а Валерий Борисович произнес громко:

– Ищи потом вас!

И вошел в подъезд.

Дверь квартиры оказалась опечатанной. Ладейников заслонил собою дверь – на случай, если кто-то наблюдает за ним через глазок из других квартир, – и осмотрел печать. И сразу заметил, что она сорвана. Или кто-то заходил уже сюда, или соседи, проходя мимо, случайно заделали бумажку. А может, и полиция опечатала дверь так неаккуратно. Валерий Борисович не стал гадать, прислонил ухо к створке и прислушался. Из квартиры не доносилось никаких звуков. Тогда он осторожно вставил ключ в замочную прорезь – связку он получил вместе со всеми вещами убитой – и повернул его. Замок открылся совершенно бесшумно. И дверь отворилась без скрипа. За ней оказалась вторая дверь, но та была не заперта.

Валерий Борисович осторожно вошел в квартиру и огляделся. В квартире, вероятно, была сделана перепланировка. Он стоял на пороге просторного холла, из которого можно было попасть в кухню, а на другом конце комнаты виднелась еще одна дверь – возможно, за ней находилась спальня.

Если в квартире производился досмотр, то полиция провела его весьма неаккуратно, если вообще тут что-то искал именно следователь Пименов со товарищи. Дверцы шкафов были распахнуты, ящики вытащены и брошены на пол. Находившиеся в шкафах вещи тоже разбросаны без особого к ним почтения. Посреди комнаты раскинулись бежевая норковая шубка и полушубок из чернобурки. Повсюду были разбросаны бумаги и среди них – фотографии. Валерий Борисович пересек холл и открыл дверь спальни. Комната оказалась небольшой, в ней едва уместились двуспальная кровать с высокой спинкой, платяной шкаф и туалетный столик. И

здесь тоже все было перевернуто вверх дном. Даже матрас с кровати подняли и на место не положили. Затем Валерий Борисович заглянул в туалетную комнату. Похоже, тот, кто побывал здесь до него, рылся и в грязном белье: вещи из ящика, предметы женского туалета валялись на полу, на дне розовой ванны, в розовой раковине. Содержимое настенного шкафчика – духи, кремы, лосьоны – также сброшено вниз.

Валерий Борисович не знал, зачем примчался сюда. Решил осмотреть квартиру убитой в надежде, что ситуация как-то прояснится, но загадок стало еще больше. Он снова пересек холл, остановился перед тем, как уйти, на пороге, обвел взором пространство, посмотрел себе под ноги, наклонился и увидел фотографию, явно свадебную. Та самая женщина, чье лицо было ему знакомо лишь по портрету в паспорте, стояла на снимке в пышном белом платье и с букетиком в руках. Рядом с ней находился, тоже с букетом, мужчина, чье лицо было наполовину прикрыто цветами. Ладейников взгляделся – и узнал себя.

Это был именно он! Не кто-то очень похожий на него, а он, Валерий Борисович Ладейников, который стоял, расплывшись в счастливой улыбке. Но ведь такого не было! Он единственный раз позировал для свадебного фото, поскольку всего один раз был женат, и на ком именно, прекрасно помнил. А здесь рядом с ним не Лариса. Тоже вполне обаятельная женщина, но только не его жена. И тем не менее на снимке он смотрел на незнакомку так, будто чувствовал себя безмерно счастливым.

На полу лежали и другие фотографии. И все были сделаны на свадьбе, которой никогда не было...

Среди них обнаружился еще один снимок – квадратный, полароидный. Ладейников наклонился за ним, взял в руку и тут же присел на корточки, потому что вдруг как-то обессилел... На маленьком, слегка выгоревшем отпечатке он увидел себя, молодого и счастливого, а рядом стояла, прижавшись к нему, Лена. За их спинами плескалось море и зависли в вечности беспечные чайки.

Глава 7

Они шли по набережной парами. Впереди Коля Храпычев, обнимающий за талию Соню, а следом Валера с Леной, взявшись за руки. Ветер приносил с моря ароматы морской травы и свежести, отбрасывая в сторону все ненужное, вроде запахов дыма и жареного мяса.

Неподалеку суетился у мангала армянин-шашлычник и орал на всю округу:

– Куда пошел? Сюда давай! Шашлык кушай! Сладкий, как девушка! Такой вкусный шашлык – палец свой оближешь, потом откусишь, спасибо скажешь!

– О! – обрадовался Храпычев, узнав продавца. – Это же Ромик, который визитку в пиджаке забыл. Возьмем у него по шашлычку, он нам скидочку по старой памяти сделает...

Ладейников посмотрел на Лену, и та покачала головой.

– В другой раз, – сказал Валера.

Храпычев с Соней остановились возле уличного фотографа, снимающего на «Полароид».

– Сколько стоит снимок? – поинтересовался Коля.

– Какие деньги, молодые люди? Это же память на всю жизнь. А память – бесценная вещь. К фотографу подошли Ладейников с Леной.

– Сфотографируйте нас, пожалуйста, – попросила Лена.

Они отошли на два шага и встали на фоне моря. Лена обняла Валеру и прижалась к нему.

– Так сколько стоит один снимок? – продолжал выяснять Храпычев.

– Два доллара, – ответил фотограф. – Можно рублями по курсу.

– Ох, и ни фига себе! – возмутился Храпычев и потащил Соню в сторону. – Уж лучше по шашлычку. В гробу я видал такую память!

Валера и Лена сфотографировались тогда дважды. Один снимок взял он, второй – Лена. Снимки немного отличались. Но чем? Ладейников, сидя на корточках в чужой квартире, пытался вспомнить — и не мог. Его фотография наверняка дома в альбоме, значит... значит, этот, что он держит сейчас в руках, остался у Лены. Но почему он здесь – в квартире, хозяйка которой убита? Какое отношение эта женщина имеет к нему? И откуда тут фальшивые свадебные фотографии? С какой целью они смонтированы?

Вдруг Ладейников услышал едва различимый звук – словно кто-то вставил ключ в замок входной двери. Он поднялся и быстро пошел к выходу. Открыл первую дверь и только тогда сообразил, что ему нельзя здесь находиться, ведь квартиру опечатала полиция. И все же он посмотрел в глазок – пустая лестничная площадка.

– Кто здесь? – громким шепотом спросил Валерий Борисович.

За дверью стояла тишина.

И лишь через пару секунд раздался перестук каблучков, словно кто-то убежал вниз по лестнице.

Брадиса в квартире, когда Ладейников вернулся домой, уже не было. Аркадий Ильич ушел, оставив на кухонном столе так и не открытую бутылку дешевой водки. Посуду за собой он помыл, а заодно и ту, что стояла уже пару дней в мойке.

Убирая бутылку в холодильник, Валерий Борисович обнаружил под ней листок, вырванный из записной книжки. На листке мелким почерком очень аккуратного человека было написано: «*Знаешь, где меня найти*».

Ладейников прошел в комнату, достал из шкафа альбом с фотографиями и начал перелистывать страницы. Фотографий было много, он даже и не думал, что столько их накопилось. Вот – школьные, на которых он вместе со своим классом из года в год позировал, стоя на одном и том же месте в школьном музее. Вот катается на лыжах... стучит по мешку, набитому опил-

ками в боксерской секции... обнимает за талию какую-то девочку с огромными глазами... Вот свадебная с Ларисой, где жена в том самом платье, которое она наутро после брачной ночи отнесла обратно в салон и получила назад деньги... Вот Лариса на лодке загорает топлес – супруги тогда вдвоем вышли в Финский залив, выпросив моторку у доцента Крышкина. Хороший был день. Однако потом пришлось целую неделю ходить в библиотеку, чтобы «прилизать» докторскую Крышкина...

Валерий Борисович перебирал фотографии, просматривал их долго, наконец нашел старый полароидный снимок, который и правда хранился в альбоме. Затем сравнил с тем, что захватил из квартиры незнакомки. Снимки действительно отличались: на его фотографии они с Леной были запечатлены вдвоем, а на принесенной в кадр попал и Коля Храпычев, подтянувший живот и выглядящий почти стройным – теперь бы никто, даже, наверное, сам Николай Михайлович не узнал бы нынешнего декана. Ладейников положил на стол две фотографии и, продолжая их разглядывать, взял мобильник.

Номер Ларисы не изменился.

– Ну, чего звонишь? – спросила бывшая жена. – Зря только деньги переводишь. Я уже полгода в Москве живу. Не одна, если тебя это интересует. У меня очень серьезный роман с очень серьезным человеком. И намерения у него тоже очень серьезные. Прощай. И не надо больше мне звонить.

А он и не собирался. И сейчас не стал бы. Но на всякий случай решил проверить, жива ли Лариса.

Оказалось – более чем.

Ладейников вышел из дома, сел в «Мерседес» и поехал к кафешке. Можно было бы и пешком добраться – всего-то идти минуты две, – но на машине лучше. Не потому, что хотелось похвастаться дорогим автомобилем перед кем-то, просто теперь можно отказаться от пива, сославшись на то, что за рулем.

В кафе было пусто, только в центре сидела небольшая компания студентов и шумно обсуждала отсутствующую студентку. В углу тихо примостился Богомолов.

– Где Брадис с Орешниковым? – обратился к нему Валерий Борисович.

– Брадис только что ушел. А Сашка дома – у Наташи опять сильные боли. Ты посидишь со мной?

Ладейников опустил рядом.

– Только пить не буду, я за рулем.

– Я в окно увидел, на какой тачке ты подъехал. Наследство жены?

Валерий Борисович кивнул.

– Ну, дай ей бог покоя хотя бы на том свете. – Богомолов посмотрел на Ладейникова.

Тот промолчал.

– Что-то не так? – спросил Сергей.

– Все не так, – признался Валерий Борисович. – Моя бывшая жена живет всех живых, я с ней только что по телефону разговаривал. Мне, когда тело убитой в морге демонстрировали, показалось, что это не Лариса. Не знаю, зачем протокол подписал. А потом деньги получил, техпаспорт на «Мерседес». Я только час назад увидел, что машина оформлена на мое имя... Но я-то никаким боком! Что теперь делать?

– Значит, машина твоя, и никто не сможет у тебя ее отнять. Деньги еще были, говоришь? Сколько, кстати?

– Две евро, три долларов.

– Тысячи?

Ладейников кивнул.

– Еще рублями около семидесяти тысяч.

– Неплохо! – восхитился Богомолов.

– И две пластиковые карты. Но сколько на них – неизвестно, я же не знаю пин-кода. Да и сколько бы ни было на них – все равно деньги не мои.

– Знаешь, сколько стоит операция для жены Саши?

– Он говорил – тридцать тысяч евро.

– Орешников копит на операцию уже двенадцать лет. Пока накопил на дорогу в оба конца. А в спорткомитете для помощи олимпийской чемпионке денег нет. Зато нынешним чемпионам отваливают бешеные премиальные, дорогие машины дарят. Потом эти мальчики и девочки устраиваются депутатами и тусуются на гламурных вечеринках. Нюхач лакированный обломают – вся страна будет сопереживать.

– Я понял, – сказал Валерий Борисович. – Спасибо тебе, а то я сразу не догадался. стыдно даже...

Глава 8

Он вышел из дверей факультета, направился к своей машине, достал из кармана ключи с брелоком и тут столкнулся с Храпычевым. Декан, судя по всему, увидел его первым и потому не растерялся.

– Привет! – приветствовал Ладейникова бывший друг. – А ты что здесь делаешь?

– Да мне обходной в библиотеке подписали, а я вчера обнаружил дома две книги библиотечные. Вот привез.

– Ничего себе! – возмутился Храпычев. – Так они все фонды растранижат! Надо навести порядок...

– Удачи! – бросил Валерий Борисович и хотел уйти.

Но Храпычев удержал его.

– Вообще-то я хотел тебе позвонить через пару дней...

– Зачем?

– По поводу трудоустройства. Есть возможность неплохо заработать разово, а можно и постоянно получать.

Храпычев покрутил головой, нет ли кого из знакомых поблизости, а потом добавил:

– Давай пройдем в мою машину, я сделаю тебе предложение, от которого...

Валерий Борисович нажал на кнопку брелока, и «Мерседес», возле которого они стояли, гордо крякнул.

– Посидим в моей, – пригласил Ладейников.

– Это твоя машина? – изумился декан.

Ладейников распахнул перед ним дверцу, и Храпычев осторожно залез внутрь. Не успел сесть и сразу начал восхищаться:

– S-класс! Кожа! Навигация! Это же сотня тысяч евро, не меньше! Валера, ты даешь! И ведь скрывал! Я человек, ты знаешь, не завистливый, но... Откуда такие деньги?

– Наследство получил, – объяснил Валерий Борисович и спросил: – Что ты хотел?

Храпычев перестал крутить головой, оглядывая салон, и вздохнул.

– Ты же понимаешь, что твое увольнение – не моя инициатива.

– Ты уже говорил это.

– Ну да. Просто некий высокий чиновник попросил пристроить на работу брата своей жены. Тот кандидатскую защитил, сейчас ему докторскую пишут. Ставок свободных не было, вот и решили тебя...

– А для высокого чиновника новую ставку не могли открыть? – усмехнулся Ладейников.

– Наверное, нет. И я ничего не мог сделать. Но сейчас лучше о другом. Тут поступило предложение...

– От высокого чиновника?

– Нет... то есть... Ну да. Вице-премьер правительства в январе собирается в Давос на экономический форум. Будет выступать там с докладом о причинах экономического кризиса и способах преодоления негативных последствий...

– Высокий чиновник попросил тебя тот доклад написать, но так, чтобы весь мир восхитился его знанием проблемы. А ты решил предложить мне помочь тебе в этом.

– Да... то есть...

Храпычев замолчал и потрогал пальцем кожу обшивки.

– Какая мягкая...

– То есть ты написал диссертацию сначала для него, – прищурил глаза Ладейников, – сейчас для его родственника, потом уволил меня и взял родственника на факультет на мое

место. Что тебе обещали за написание доклада? Назначить ректором, а родственника вице-премьера сделать деканом нашего факультета?

– Как ты догадался? Ох... Да нет, ничего еще не решено. Валера, я тебе хорошо заплачу. Потом возьму обратно на факультет.

Ладейников достал из кармана портмоне, вынул из него полароидный снимок и показал Храпычеву.

– Помнишь, как мы в Геленджике отдыхали?

– Надо же! – обрадовался декан. – Какими мы были! У меня, кстати, такой же есть.

– У тебя не может быть такого, их всего два: один у меня, а второй остался у Лены.

– Точно есть, – настаивал Храпычев. И вдруг вспомнил. – У Лены его нет.

– Как нет? – удивился Валерий Борисович. – Мы же с ней специально два раза сфотографировались.

Храпычев вздохнул и ответил:

– Поможешь с докладом для вице-премьера, расскажу.

– Хватит придуриваться! Отвечай!

– Да ладно, не кипятись, – пошел на попятную декан. – У Лены этого снимка нет потому...

– Ну!

– Все очень просто: я его стащил, когда вы в аэропорту прощались. Карточка у нее в документах лежала вместе с билетом, и я, пока вы обнимались, ее взял – уж больно хорошо я там получился. С обратной стороны ты карандашом записал свой телефон и адрес, так что скажи спасибо, что я тебя спас...

Ладейников перевернул снимок, увидел бледные, едва заметные следы карандаша и не сдержался:

– Ну и сволочь же ты!

– Однако я декан, известный ученый, а ты – безработный преподаватель экономики...

Кстати, откуда у тебя этот снимок? Ведь он у меня дома был.

– Долгая история.

– Так ты сможешь с докладом? – спросил Храпычев.

Ладейников не ответил и посмотрел за окно. Из дверей факультета вышла секретарша Храпычева. Юлия остановилась возле «Мерседеса» и взглядом стала искать машину декана.

– Тебя высматривает, – кивнул на нее Валерий Борисович. – Симпатичная девочка. Дорого тебе обходится?

– Я неплохо зарабатываю. Не на факультете, конечно. Консультирую крупные фирмы – советую, куда вкладывать деньги. Недавно, кстати, один банк избавился по моей наводке от акций одной полудохлой нефтяной компании. Спихнули их некоему фонду финансовой взаимопомощи, а компания возьми да и выиграй правительственный тендер. Акции ее взлетели в цене, фонд поднял миллионов пять баксов, а банк соответственно лоханулся и потом на меня...

– Лариса была у тебя дома? – перебил Ладейников.

– Твоя жена бывшая? А что ей у меня делать? Я к чему про акции-то говорил... Тот фонд возглавляла роскошная женщина, и она приезжала на встречу точно на такой машине, как у тебя. Один в один.

Секретарша вдруг заметила в «Мерседесе» декана, наклонилась к стеклу и, постучав лакированными ноготками по стеклу, улыбнулась приветливо.

– Роскошную даму из фонда случайно не Варварой Николаевной звали?

Храпычев помахал пухлой ладошкой своей секретарше.

– Нет, только не Варвара. Фамилия ее... У меня где-то визитка осталась, надо поискать.

Так как насчет доклада?

– Я подумаю.

– Думай побыстрее, а то времени в обрез. Обещаю, что возьму тебя обратно на факультет и даже часов прибавлю, если захочешь...

Храпычев открыл дверцу и стал вылезать. Секретарша в тот момент заглянула в салон и помахала рукой Ладейникову:

– Валерий Борисович, добрый день. Какой вы теперь уважаемый!

Бывший друг подхватил под локоть улыбающуюся девушку и направился к своему автомобилю, не забывая отвечать кивками на приветствия проходящих мимо студентов.

Храпычев сел за руль «Лексуса» и посмотрел на секретаршу.

– Ты бы, Юлечка, не лезла куда не просят. Видишь, что я в чужой машине, так стой и жди, когда выйду. Может, у нас разговор важный.

– А о чем вы говорили?

– Да ни о чем, – отмахнулся Храпычев, – Ладейников старую сплетню проверял, будто я был любовником его жены. Верблюд он и есть верблюд. Ладно, поехали в тот ресторанчик, где вчера обедали.

Глава 9

– На ловца и зверь бежит, – обрадовался следователь Пименов, увидев входящего в кабинет Ладейникова. – Я как раз собирался набрать ваш номер.

– Есть какие-то новости? – спросил бывший доцент, опускаясь на стул.

– Новости есть всегда. Вот вы говорили, что ваша жена родом с Украины...

– Ну да. Там ее отец, который... Впрочем, я не видел его никогда.

– А по нашим данным, она сирота, воспитывалась в детском доме.

– Я не знал...

– А были в курсе, что ваша жена отбывала срок за мошенничество?

– Что-о? – удивился Валерий Борисович.

– Как вы познакомились?

– Это допрос?

– Просто спрашиваю, – спокойно сказал следователь. – Убитая Варвара Николаевна, имевшая до замужества фамилию Чернова, получила десять лет за организацию финансовой пирамиды. Освободилась досрочно, а через три месяца после освобождения вышла за вас замуж. Вы к тому времени только-только стали свободным человеком, разведясь с вашей первой женой.

Валерий Борисович наконец понял, что речь идет не о Ларисе, а об убитой женщине.

– Ну да, – кивнул он, – познакомились и поженились. Что тут особенного?

– Ничего. Она была красивой женщиной, вы – тоже мужчина видный. Или, как теперь говорят, брутальный. Но погибшая была осуждена за экономическое преступление, вы же известный экономист. Вот тут у меня даже ваш печатный труд имеется... – Следователь открыл ящик стола и достал небольшую книжку в мягкой обложке. – «Расчеты прибавочной стоимости по отраслям промышленности в условиях экономики переходного периода». Какое длинное название!

– Вы что, читали это? – удивился Ладейников.

– Почитал вчера перед сном. Доходчиво. Интересно. Но я о другом.

Пименов взял в руки пачку сигарет и кивнул Валерию Борисовичу:

– Можете покурить, если хотите.

Ладейников опустил руку в карман, потом проверил другой и не нашел пачки.

– Увы, – сказал он, – оставил сигареты в машине.

Пименов протянул ему пачку «Кэмела», и Ладейников, взяв ее, посмотрел на верблюда, изображенного на пачке.

– Не курите такие? – спросил, заметив это, следователь.

– Верблюда разглядываю.

– Вам известно, что после смерти вашей жены вы – состоятельный человек? – произнес Пименов вкрадчиво.

Ладейников усмехнулся и достал из пачки сигарету.

– Я сказал что-то смешное? – слегка нахмурился следователь.

– Просто вдруг пословицу вспомнил: богатому так же трудно попасть в рай, как верблюду пройти сквозь игольное ушко. – Ладейников достал из кармана зажигалку и прикурил.

– Давайте ближе к делу, – сказал Пименов, дождавшись, когда собеседник выпустит дым. – Нами обнаружены счета в разных банках, открытые на имя вашей жены. Интересует вас сумма вкладов?

Ладейников дернул плечом и сделал еще одну затяжку.

– На общую сумму девятнадцать миллионов рублей с хвостиком, – продолжил следователь. – Причем хороший такой хвостик – без малого на пятьсот тысяч. Через полгода вы сможете переоформить счета на свое имя, если...

– Если не будет других претендентов.

– И это тоже. Но главное, если не будет доказана ваша причастность к убийству. Пока любому ясно: смерть Варвары Николаевны Ладейниковой выгодна только вам. К тому же я проверил все входящие и исходящие звонки с ее телефона и выяснил, что вы никогда не звонили ей, а она вам. Убитая Варвара Николаевна вспомнила о вас только перед самой своей смертью – буквально за полчаса до гибели она звонила на ваш домашний номер шесть раз. И ни разу звонок не был принят.

– Так я же в баре был, – напомнил Валерий Борисович.

– Были. Я проверил. А также проверил регистрацию вашего брака в книге районного ЗАГСа. Видел даже свадебные фотографии.

– Так это вы в ее квартире все с ног на голову перевернули? – хмыкнул Ладейников.

– Ничего я не переворачивал! – возмутился Пименов. – Мы побывали там сразу после того, как осмотрели место преступления. В квартире все было на своих местах и аккуратно прибрано. И до нас было чисто, и после нашего визита. Я только фотоальбомы полистал, и все. А вы, стало быть, вскрыли опечатанную мною дверь и вошли.

– Печать была снята до меня, а в квартире все перевернуто.

Следователь внимательно посмотрел на Ладейникова, делавшего последнюю затяжку, пододвинул к нему пепельницу и произнес нарочито вежливо:

– Послушайте, у меня к вам просьба... Требовать я не могу, у вас вроде как стопроцентное алиби, просто прошу: не уезжайте никуда до конца расследования.

Глава 10

Они расположились в открытом кафе возле акустической колонки, из которой с хрипом вылетала популярная тем летом песенка:

Он уехал в ночь на пустой электричке...
В сумраке шагов ты все ждешь по привычке...
Осень и печаль две подруги-сестрички...

- Так уезжать не хочется, – вздохнула Соня.
- Что? – крикнул Храпычев, сидевший под самой колонкой.
- Я говорю, что еще отдыхала и отдыхала бы, – повысила голос Соня.
- А кто тебе мешает? – снова выкрикнул Коля.

Лена сидела грустная: отпуск у девушек заканчивался через два дня, и уже завтра они должны были улететь.

- Задержаться не получится? – спросил Валера.

Лена покачала головой.

- Не могу, у меня работа.
- Тогда я свой билет сдам и с тобой полечу.
- В кассах билетов нет. Если сдашь свой, навсегда здесь останешься.
- Тогда я поездом следом.
- Отдыхай, у тебя же еще две недели. А я тебя ждать буду.

Музыка смолкла, и сразу из летних сумерек прилетел голос:

– Шашлык сладкий, как девушка! Палец лизать будешь, потом откусишь, спасибо скажешь...

– О, – воодушевился Храпычев, – опять здесь Ромик. Может, возьмем у него по шашлычку?

– Не надо, – грустно улыбнулась Лена, – он их из девушек делает.

– Тогда, может, купим шампанского – и к вам в пансионат? – предложил Храпычев.

Лена промолчала, зато Соня согласилась сразу.

Валера направился к барной стойке за шампанским. Настроение у него было отвратительным: предстояла разлука с девушкой, которую он полюбил сразу, как увидел, и с каждым днем любил все больше и больше. Две недели, конечно, не столь уж долгая разлука, но что он будет делать эти четырнадцать дней?

Ладейников посмотрел на друзей, которые вышли из кафе и теперь ждали его у входа. Храпычев прижимал к себе Соню, а Лена наблюдала, как раскаленное солнце опускается в темнеющее море, отбрасывая розовую парчовую дорожку от горизонта и до входа в кафе. Валера посмотрел на эту полоску, призрачную и реальную одновременно, которая вот-вот исчезнет и, может, уже никогда не появится снова. И вдруг подумал: почему никто не пытается встать на нее и уйти по ней из этого мира туда, где не нужно будет расставаться и скрывать то, что давно уже на сердце, что терзает, мучает и наполняет сладостной тоской все пространство летнего вечера?

Он догнал бредущих не спеша друзей и взял Лену под руку.

– Мы вот что решили, – радостно объявил ему Храпычев. – Делим шампанское: вам – бутылка, и нам с Сонечкой бутылочка. Мы с ней идем в пансионат к девочкам, а ты с Леной к нам в частный сектор. О'кей?

Это было сказано так откровенно, что Валера не знал, стоит ли ему соглашаться. А вдруг Лена обидится?

Но Лена тихо произнесла:

– Хорошо.

Храпычев взял из рук Валерия бутылку шампанского, подмигнул ему, и вместе с Соней стремительно двинулся по направлению к пансионату. Причем они так быстро работали ногами и находились на таком расстоянии друг от друга, что можно было подумать, будто два незнакомых между собой человека спешат куда-то, стараясь опередить друг друга, чтобы успеть к чему-то очень важному и жизненно необходимому – например, к бесплатной раздаче билетов на концерт Филиппа Киркорова.

А Лена и Ладейников никуда не спешили, потому что время все равно не остановишь. Они пошли вдоль моря за исчезающим солнечным лучом, стараясь не замечать наступающей ночи. Потом опустились на нагретую за день гальку, стали разговаривать и не могли наговориться, потому что оба понимали: все сейчас заканчивается. Может быть, потом будут и разговоры, и такие же звездные ночи, но все, что придет впоследствии, будет уже другое, а этот миг уже не повторится. Не повторится лето их встречи и сладостный миг узнавания тайны... Ладейников открыл шампанское, но пить не хотели оба. Они передавали друг другу бутылку и припадали к ее горлышку, но вина не становилось меньше. Набегала на берег ночная волна, перекатывая мелкую гальку. И тогда Валерий вдруг наклонился и, не обнимая Лену, просто нашел ее губы. Звякнула о камушки бутылка, забулькало, вытекая, шампанское, но все это осталось в другой жизни, где не было их поцелуев, признаний и любви...

Ладейников открыл дверцу шкафа и замер, не зная, с чего начать осмотр. Почти все валялось на полу. В шкафу висели лишь несколько предметов одежды: кожаная куртка, женский плащ, несколько платьев и пара мужских костюмов, укрытых чехлом из плотного полиэтилена на «молнии». «Откуда костюмы? – подумал Валерий Борисович. – Варвара ведь жила одна, и, если верить соседу, никто к ней не приходил».

Он оглядел то, что лежало в беспорядке на полу, поднял с пола фотографию и взглянул на нее: на снимке были запечатлены молодая женщина с девочкой лет двенадцати, которые ярким солнечным днем собирали ягоды с куста смородины и чему-то радовались. Молодая женщина была стройной, красиво улыбалась, но большую часть лица ее скрывали солнцезащитные очки. Вполне вероятно, что именно она и жила в квартире. А кто же тогда девочка?

Валерий Борисович поднял и свадебное фото, которое уже видел прежде. Начал разглядывать свое изображение, пытаясь обнаружить какой-то подвох. Нет, определенно это был он. Только вот костюма такого у него никогда не было. И прическа немного другая. То есть почти такая, какая у него уже много лет, только волосы чуть длиннее и уложены аккуратнее. Он хотел посмотреть и другие снимки, но тут... открылась дверь, и в квартиру вошел капитан полиции.

Это произошло так неожиданно, что Валерий Борисович вздрогнул.

– Предъявите документы. Только без резких движений! – приказал страж порядка.

– Я муж убитой, – представился Ладейников.

– А я – местный участковый капитан Суханов.

Валерий Борисович протянул ему паспорт и заодно свадебную фотографию. Участковый сверил официальный портрет на документе с оригиналом, потом посмотрел на свадебный снимок и сверил его с изображением в паспорте. Пролистнул книжицу и спросил:

– А почему нет штампа о браке?

– Я весной новый паспорт получил взамен утерянного. Забыли поставить, вероятно. Если есть сомнения, позвоните следователю Пименову.

Капитан вернул документ со словами:

– Бдительнее надо быть. Сходите и поставьте...

Потом он, видимо, понял бессмысленность своего совета и добавил:

– Ладно, можете не ставить, раз такое дело. Но на будущее учтите...

Участковый оглядел развал в квартире и покачал головой:

– Не знаете, кто мог такое учинить? А то мне Пименов позвонил, просил зайти, разобратся.

Страж порядка посмотрел на Ладейникова сквозь прищур, пытаясь, видимо, определить — соврет тот или нет.

Но Валерий Борисович лишь молча пожал плечами.

Тогда Суханов сказал:

– Мы тогда вместе с Пименовым квартиру осматривали и потом опечатали. А вы за вещами пришли?

Ладейников кивнул все так же молча.

– Вещички-то дорогие, – согласился капитан. – Шуба вон из норки. Костюмчики мужские фирмы «Бриони». Пименов, когда здесь был, сказал, что каждый по цене, как норковая шуба. Это правда?

Валерий Борисович опять кивнул.

– В спальне под кроватью чемодан, – сообщил участковый. И спохватился: – Хотя вы это не хуже меня знаете.

Валерий Борисович направился в спальню. Следом шел капитан Суханов и наблюдал за его действиями.

– Я уже нашел хозяйку квартиры, – говорил на ходу участковый. – Та сказала, что аренда оплачена до конца года, так что родственники убитой могут пользоваться ею до окончания срока, то есть еще три месяца. Вещей самой хозяйки здесь нет.

Потом он смотрел, как Ладейников запихивает в чемодан норковую шубу, полушубок из чернобурки, мужские костюмы. Помог застегнуть чемодан и сказал:

– Ну, забирайте раз так. Только мне расписку оставьте на всякий случай.

В холодильнике продуктов было немного. Суханов помог упаковать и их. Капитан посмотрел на четыре баночки с черной икрой и вздохнул:

– Живут же люди!

Две баночки Валерий Борисович отдал ему, как и литровую бутылку дорогой водки, обнаруженную в том же холодильнике.

Свадебные фотографии и снимок женщины с девочкой Ладейников положил себе в карман.

Часть вторая

Глава 1

Желающих купить дорогой автомобиль не было. Ладейников с Богомоловым пригнали «Мерседес» на авторынок и теперь стояли возле него, беседа. Любопытные подходили, осматривали. Некоторые интересовались ценой.

– Пятьдесят тысяч евро, – отвечал Богомолов.

– Ого! – удивлялись любопытные и поскорее отходили.

Потом посетители рынка и вовсе перестали интересоваться дорогим автомобилем.

– Тебя, говорят, опять вызывали, – сказал Богомолов.

– Сам заходил. Мне все вещи ее вернули. И телефон. Они уже его проверили. Говорят – никаких зацепок. Я тоже в записную книжку заглянул. Там немного номеров – парикмахерской, солярия... И всего двоих мужчин. Но она по ним почти не звонила...

– Странная женщина, – согласился Богомолов. – Телефонов подружек нет, деловых контактов, как ты говоришь, никаких... Если она симпатичная, то должны быть телефоны любовников, поклонников, просто мужиков, которые могут зайти... гвоздь в стенку забить, в том числе.

– Меня больше волнуют свадебные фотографии, где и моя личность имеется – в качестве жениха. Но я-то не был на ее свадьбе: ни женихом, ни просто так...

– Если хочешь узнать, монтаж это или нет, дай снимки мне, – предложил Богомолов. – У меня есть один знакомый, который выявит компьютерное совмещение и фоташоп в два счета.

Тут подошел еще один любопытный и начал осматривать машину. Валерий Борисович и Богомолов не обращали на него никакого внимания. Скромно одетый человек лет пятидесяти сел за руль, завел двигатель и стал прислушиваться.

– Мне эта история все меньше и меньше нравится, – задумчиво произнес Валерий Борисович. – То, что деньги привалили, конечно, хорошо, но просто так ничего не бывает. Вдруг потом потребуют отдать?

– Но машина по документам твоя. То, что при убитой нашли, уйдет на похороны и прочее. Ты никому ничего не должен.

– Просто я привык к тому, что в нашей жизни ничего просто так не бывает, что за все надо платить.

– Успокойся. Ты решил Наташе Орешниковой помочь? Вот и помогай. Или у нас кем-то запрещено хорошие поступки совершать?

– Благими намерениями вымощена дорога в ад, – вспомнил Валерий Борисович.

– Ницше сказал это совсем по другому поводу, – похлопал его по плечу Богомолов.

Ладейников промолчал, удивленный образованностью некоторых майоров спецназа. Отставных, правда.

– А прокатиться можно? – спросил любопытный покупатель.

– Отчего ж нельзя? Всегда пожалуйста, – согласился Богомолов.

Они выехали со стоянки и поехали по городу.

– Автомобилю полгода, – произнес сидящий за рулем покупатель, – пробег семь тысяч, состояние идеальное. Пятьдесят тысяч – цена более чем приемлемая. Машину возьму прямо сейчас. Только вы продадите ее за семьдесят, десятку вернете мне. Устраивает?

– Вполне, – кивнул Богомолов.

Они въехали во двор какого-то дома. Скромный человечек позвонил по мобильному, и вскоре из подъезда вышел помятый мужчина в банном халате. Из-под халата торчали голые волосатые ноги в шлепанцах. Он подошел к машине и спросил сидящего за рулем:

– Как лайба?

– Чистая, – прозвучало в ответ.

Личность в банном халате достала из кармана две пачки и протянула в окно скромному человечку:

– Оформи на себя.

К дому Орешникова друзья подъехали уже на «девятке» – отечественную машину приобрели на том же авторынке, куда вернулись после того, как продали «Мерседес». Валерий Борисович увидел точно такой же автомобиль, какой был у него когда-то – того же цвета и с той же тканью в салоне, и потому заплатил сто тысяч рублей, не торгуясь. Потом заскочили к Ладейникову домой, захватили чемодан и направились к Орешникову.

Бывший толкатель ядра открыл дверь, и тут же в прихожую в кресле на колесиках выкатилась его жена.

– А вот и я! – весело провозгласила Наташа.

Богомоллов посмотрел на кресло, потрогал спинку и оценил:

– Хорошая тачка!

– Вчера привезли от спорткомитета, – сообщил Орешников. – Только заставили расписаться, что мы ее продавать не будем.

– А зачем ее продавать? – согласился Богомоллов. – Потом твоя жена подарит ее кому-нибудь.

– Хорошая шутка, – улыбнулась Наташа.

Ладейников достал из кармана пакет с деньгами и протянул бывшей гимнастке.

– Вот. Мы тебе, Наташенька, на операцию в Германии собрали.

– Что? – не поняла женщина.

– Тут шестьдесят тысяч евро, – объяснил Богомоллов. – На операцию, на дорогу, на проживание, на реабилитацию...

Наташа закрыла лицо ладонями и тихо заплакала.

– Мы не сможем вернуть такую сумму, – едва выговорил Орешников.

– А кто просит возвращать? – Богомоллов посмотрел на Ладейникова, и тот кивнул. – Для нас счастье помочь вам. Какие мы были бы друзья, если б катались на «Мерседесе», а твоя жена на этом драндулете?

– Неправда, – покачала головой Наташа, – очень хорошая колясочка.

– Поужинаете с нами? – предложил Орешников.

– У нас дела неотложные, – отказался за двоих Богомоллов.

А Валерий Борисович вспомнил о чемодане, который стоял возле его ног.

– Возьмите, – сказал он, – в дороге пригодится. Скоро похолодает, зима впереди, а у Наташи ничего из верхней одежды. Вот мы для нее кое-что и приготовили.

В чемодане лежали норковая шуба и полушубок из чернубурки.

Глава 2

В помещении ресторанчика было уютно и тихо. А главное – пусто. Николай Михайлович специально его выбрал, чтобы не было посторонних лиц, не гремела музыка и ничто не мешало доверительному разговору. Храпычев не сомневался, что Ладейников согласится на его предложение, только «заломит» цену за свои услуги. Хотя у бывшего друга и появился неизвестно откуда роскошный автомобиль, но как был он лохом, так лохом и остался: наверняка попросит тысяч пять долларов и гарантии того, что его вернут на факультет. Вернуть можно без проблем, а сумму так же спокойно можно уменьшить вдвое... Три тысячи баксов – красная цена для этого дурачка.

Валерий Борисович появился ровно в час дня, как и обещал декану.

– Зачем вызвал?

Храпычев показал на место за столиком, а потом махнул рукой, подзывая проходившую мимо молоденькую официантку:

– Девушка, наши шашлыки готовы?

– Сейчас принесу.

– Прихватите еще свежих овощей, гранатовый сок, два по пятьдесят «Курвуазье» и лимончик.

– Я есть не хочу, – покачал головой Валерий Борисович. – И коньяк не буду: за рулем.

– Так и я тоже. И, между прочим, такую машину, какая у тебя сейчас, ни один гаишник не тормознет.

– Не буду, – твердо произнес Ладейников.

Не будет так не будет. Николаю Михайловичу было абсолютно все равно, что хочет или от чего отказывается бывший друг. Он посмотрел на Ладейникова и постарался придать лицу участливое выражение.

– Не обижайся на меня, Валера, я очень стараюсь вернуть тебя на факультет. Большую работу провожу в данном направлении.

– Тебе доклад для вице-премьера нужен.

– Нужен, конечно, но это не главное. Важнее всего дружба. В былые годы мы ведь неразлейвода были. Вспомни Геленджик хотя бы. Солнце, вино, девушки, с которыми мы тогда познакомились... Как же их звали?

Храпычев потер висок, припоминая.

– Соня и Лена, – подсказал Ладейников.

– Ну да! Помнишь, значит? И я не забыл. Валера, доклад не мне лично нужен. Дело в престиже страны.

– Я же обещал подумать.

– Соглашайся! А я, со своей стороны, гарантирую, что ты вернешься на факультет. Более того, завкафедрой тебя сделаю. А потом первым замом декана. Ну, и денег заплачу... – Храпычев помолчал секунду и выдохнул: – Три тысячи долларов.

Подошла официантка с подносом и начала выставлять на стол тарелки с шашлыками и прочими закусками. Поставила и коньяк в графинчике.

– А почему коньяк в графине? – возмутился декан. – Откуда я знаю, что вы туда налили?

– Простите, сейчас бутылку принесу, – сказала официантка, поставила графин на поднос и ушла.

– Везде норовят облапошить! – продолжал возмущаться Храпычев. – Что за страна!

– Твое предложение мне понятно, но я подумаю еще немного, – произнес Ладейников, поднимаясь из-за стола. И направился к выходу.

– Валера, неделю, не больше! – крикнул ему вслед Храпычев. – Будем считать это крайним сроком!

Ладейников вышел в вестибюль ресторана. Николай Михайлович видел, как отворилась и закрылась дверь.

– Козел, – негромко сказал он. – Еще и артачится! Ну, погоди, Валерик, заплатишь сполна за мои унижения...

Декан посмотрел на барную стойку и крикнул скучающему бармену:

– Любезный, скажите, чтобы один шашлык с моего стола унесли, а коньяку пусть нальют сто пятьдесят.

Варвару Николаевну Ладейникову похоронили тихо. Отпели в церкви, потом гроб довезли до могилы. Священник спокойно и невозмутимо исполнил необходимый ритуал, будто бы не удивляясь тому, что молодую женщину пришли провожать только четверо мужчин. Могилу быстро забросали землей.

«Кто она такая, женщина, которая столь неожиданно вошла в мою жизнь? – думал Ладейников. – Хотя нет, не вошла, а прошла мимо. Даже не приблизилась, но изменила во мне что-то, а я ничего не знаю о ней. Плохая она была или хорошая, добрая или злая? Кого любила и чего желала? Теперь этого не узнать. И какой бы она ни была прежде, ее уже нет. И все же для чего-то Варвара Николаевна появилась в моей жизни... По крайней мере, помогла одному человеку – Наташе Орешниковой...»

Валерий Борисович поднял голову и увидел стоящую поодаль молодую женщину в наброшенном на голову темном платке. Незнакомка смотрела в их сторону, но, перехватив его взгляд, отвернулась.

Когда выходили с кладбища, Валерий Борисович зачем-то оглянулся, однако женщины в темном платке не увидел. Почему ему показалось, что та и сейчас где-то поблизости, непонятно.

Вечером друзья собрались у Ладейникова. Сидели, не торопясь никуда, выпивали, закусывали и разговаривали. Все, как обычно. Убитую женщину почти не вспоминали: что они могли сказать о ней, если не знали ее совсем? Да и пили немного. Разве что Брадис подливал себе в бокальчик французского коньяка, становясь все более и более разговорчивым.

– Пять лет назад я и не предполагал, что у меня такая жизнь будет, – говорил он. – Предприятие мое крепко стояло на ногах, оборот был многомиллионный – я же сырую нефть загонял на НПЗ, получал не деньгами, а нефтепродуктами, затем реализовывал их успешно. А потом начался передел собственности. Меня оч-чень грамотно развели – кто-то от имени моего предприятия перезаключил все договоры. Когда начал разбираться, оказалось, что я и не собственник больше, а вместо моей фирмы какое-то ООО. Я в милицию, в прокуратуру, а у тех ребят все документы оформлены. И вроде как все на законных основаниях. Тогда ж про рейдерство никто и не слышал. Я один суд проиграл, второй... Против меня иски подавались, будто бы я незаконным образом получал прибыль. Жена упросила переоформить всю мою собственность на ее сына от первого брака. Я, конечно, спорить не стал: сделал то, что она просила. А жена тут же ушла и подала на развод. Меня через пару дней – в следственный изолятор по обвинению в мошенничестве и хищениях. До суда дело не дошло: следователь уговорил признать вину и отказаться от встречных исков. Не обманул... Меня выпустили, но, правда, до того почти два месяца прессовали в камере. Вышел – большая квартира продана, взамен пасынок купил мне хрущобу, в которой теперь проживаю. Хорошо, не знали ни он, ни жена бывшая, что я в пригороде коттедж строю. Хотел сюрприз сделать – думал, привезти их сразу во дворец с бассейном и садом. Молчал, и слава богу. Продал тогда недостроенный домик. За

гроши, в сущности, отдал. Зато личные долги выплатил и уже пять лет на эти деньги живу. Еще на год хватит. А потом что? Цветной металл по помойкам собирать?

Ладейников увидел лежавший на полке мобильный телефон убитой, взял его и вышел на кухню. Сел за кухонный стол и включил аппарат. Пропущенных вызовов не было, словно никому его хозяйка не нужна. Открыл записную книжку, нашел запись «Сереза – билеты» и набрал номер.

Почти сразу отозвался сладкий голос:

– Аллеу...

– Сереза? – переспросил Валерий Борисович.

– Да-а, это я.

– Мне вас рекомендовала Варвара Николаевна.

– Кто-о?

– Ладейникова.

– Не знаю такую.

– Она у вас заказывала билеты.

– А-а-а... Ну да, на Криса де Бурга. Только за билетами так и не приехала. Я из-за нее сто баксов потерял.

– Как жаль, – притворно расстроился Валерий Борисович. – А мне как раз очень нужен билетик на... Криса.

– На Криса Нормана? Но он только через месяц будет. Рано пока заказывать.

– А на кого у вас сейчас имеется?

– На Криса Кельми, на Криса Ри, на «Агату Кристи», на Кристину Орбакайте...

– А вы только по «Крисам» специализируетесь?

– Да нет же! – возмутился голос. – Я их и сам терпеть ненавижу. Но достойные люди к нам нечасто заезжают. А вообще я могу помочь на Элтона Джона, и на Борю Моисеева, и на Пенкина...

– А как бы нам с вами увидеться?

– Ой, даже не знаю, я сейчас не свободен. – Голос собеседника стал еще более сладким. – А вы себя опишите.

– Я бы хотел поговорить о Варваре Николаевне...

– Да что вы ко мне пристали с этой бабой? Говорю вам: в глаза ее не видел!

Ладейников отключился, прервав разговор. Нашел запись «Фил» и нажал на «вызов». Некоторое время звучали гудки, потом прекратились. Кто-то принял звонок, но молчал.

– Фил? – спросил Ладейников.

– Кто это?

Голос Фила был вполне мужественным.

– Я от Варвары Николаевны. Она просила передать вам несколько костюмов от Бриони.

– Когда просила?

– Неделю назад.

– Так что ж вы только теперь сообщаете? Я немедленно приеду... Нет, лучше вы привезите ко мне, за такси я заплачу. И за беспокойство.

– Я достаточно обеспеченный человек, чтобы получать с кого-то за мелкие услуги. Сейчас приеду. Только скажите, давно ли вы знакомы с Варварой.

– Полгода. Мы в боулинге познакомились, и она сделала мне предложение.

– Какое?

Фил помолчал, а потом все же ответил:

– Вас это не касается... Я выполнил ее просьбу, а потом видел ее всего два раза. Или три. Я сопровождал ее в клубы...

– Вы хотите получить костюмы? Тогда ответьте на вопрос.

– Она просила меня... Короче, я должен был изображать жениха на свадьбе... Если хотите подробности, то приезжайте с костюмами. Сколько их?

– Диктуйте адрес, – сказал Ладейников.

Валерий Борисович записывал адрес, а в дверях кухни стоял Богомоллов, который слышал весь разговор.

– Я с тобой поеду, – сказал бывший майор спецназа. – Во-первых, я только одну рюмочку выпил, а во-вторых, подстрахую, ежели что...

Глава 3

Незнакомый Ладейникову Фил проживал на набережной Карповки. Парадная дверь здания не была оборудована ни замками, ни домофоном. Лифта в старом доме тоже не имелось. Валерий Борисович поднимался по лестнице, глядя на номера квартир. На площадке между вторым и третьим этажами он едва не столкнулся с человеком в куртке с наброшенным на голову капюшоном. Капюшон закрывал половину лица, мужчина спешил и потому заметил Ладейникова, когда уже чуть не врезался в него.

– Простите, – сказал Ладейников и отступил в сторону, освобождая проход у перил.

Незнакомец в куртке ничего не ответил и продолжил движение.

Квартира Фила располагалась на четвертом этаже. Валерий Борисович позвонил, но за дверью было тихо. Он снова надавил на кнопку, опять прозвучала мелодия звонка. И тут заметил, что дверь прилегает к косяку неплотно. Ладейников потянул за ручку, и створка открылась. Затем толкнул вторую дверь и вошел в прихожую.

– Фил, я по поводу костюмов, – громко произнес Валерий Борисович, предупреждая о своем вторжении.

В коридоре горел свет. Из комнаты донесся веселый женский голос:

– Итак, вы видите на экране девять букв, размещенных в произвольном порядке. Необходимо угадать зашифрованное слово. Первый, кто нам дозвонится, получит сто тысяч рублей.

В кресле перед телевизором, уронив голову на грудь, сидел мужчина. Вероятно, он следил за телевизионной игрой и заснул.

– Фил, я звонил вам, – произнес Ладейников, входя в комнату.

Подождал к креслу, коснулся плеча хозяина квартиры, но тот не обернулся и не вздрогнул. Сделав еще шаг, Ладейников заглянул ему в лицо.

Фил не спал – он был мертв. Во лбу у него была ранка – точно такая же, как у убитой женщины в морге.

Ладейников отпрянул и тут же услышал спокойный голос:

– Не дергайся! Одно резкое движение, и ты труп. Руки подними.

Валерий Борисович медленно поднял руки, так же медленно повернулся и увидел в дверном проеме того самого человека в куртке, которого встретил на лестнице. Опущенный капюшон по-прежнему прикрывал его лицо. В вытянутой вперед руке незнакомец держал пистолет с глушителем.

– Ты кто, мужик?

– Просто зашел к Филу, – ответил Валерий Борисович.

– Значит, не повезло тебе, – сказал киллер, – не туда ты зашел. Хорошо я волюну не сбросил. Как знал.

Ладейников увидел, как рот под капюшоном скривился в усмешке. И тут же киллер рухнул на пол. А из коридора в комнату вошел Богомолов.

– Кажется, я вовремя, – обронил он. Наклонился и поднял с пола пистолет с глушителем. – Руки-то опусти.

Ладейников опустил руки и показал глазами на лежащего киллера.

– Сережа, ты что, – убил его?

– Да вроде нет. Просто ткнул слегка по почкам.

Мужчина застонал и пошевелился.

Богомолов присел на корточки, откинул капюшон и за ухо оторвал голову киллера от пола.

– Кто тебя послал сюда? Отвечай, а то резать сейчас начну.

– Мне этого Филя заказали... по электронке... Пять штук в камере хранения – аванс, еще пять после выполнения. Мужики, что при мне есть, забирайте. И то, что в камере будет, тоже. Только не убивайте! Я уеду, честное слово. У меня к вам ничего...

Богомоллов отпустил ухо и приставил пистолет к голове киллера. Распахнул на нем куртку и быстро обыскал карманы. Вынул бумажник и мобильный телефон.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.